

ВАДИМ САМБОРСКИЙ

цикл романов "ЛИХОЛЕТЬЕ"

Не каждому из нас дано
право ходить по
последним метрам
родной земли. Только
пограничники
удостаиваются чести
оберегать и защищать
Государственную
границу любимой
Родины!

ДЕНЬ ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

КНИГА I

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лихолетье

Вадим Самборский

**Лихолетье. Книга I. День
летнего солнцестояния**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Самборский В.

Лихолетье. Книга I. День летнего солнцестояния /
В. Самборский — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Лихолетье)

ISBN 978-5-532-06049-4

Его зовут Владимир Горский. Он сотрудник НКВД. После ряда жизненных перипетий, Владимир прибывает к новому месту службы в пограничный Брест. В июне 1941 года по приказу командования Горский отправлен в командировку на пограничную заставу. Помимо основного задания, ему придётся выполнить специальное задание на приграничной территории бывшей Польши. Утром 22 июня 1941 года пограничные наряды заставы обнаружив, что части Вермахта начали переправу через Буг вступают с ними в неравный бой. Ценой своих жизней пограничники пытаются остановить вражескую лавину, устремившуюся на родную землю. Вместе со всеми главный герой обороняет заставу. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-06049-4

© Самборский В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие к циклу романов "Лихолетье"	5
Часть I. Утро вторжения	8
Глава 1. 27 апреля 1940 года. Начало	8
Глава 2. 28 апреля 1940 года. Кабинет наркома	16
Глава 3. Возвращение	25
Глава 4. Начало вторжения	33
Глава 5. Ночь с 21 на 22 июня 1941 года	41
Глава 6. Начало – первые часы	46
Глава 7. Неожиданное "происшествие" у переправы	53
Глава 8. Тихое место у реки	58
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Вадим Самборский

Лихолетье. Книга I. День летнего солнцестояния

Предисловие к циклу романов "Лихолетье"

Прожив долгие годы вдали от родных мест, волею судьбы несколько лет назад мне повезло вернуться домой в Россию. Собственно возвращаться то было не куда, т.к. своей семье у меня к тому времени уже не было. Моя мама жила в однокомнатной квартире в Невском районе Питера и после смерти отца, через пару тройку лет "пустила" к себе жить одинокого вдового старичка. Стеснять своим присутствием их мне совершенно не хотелось. Николай Петрович, так звали нового мамино мужа, как и мой покойный отец, тоже был из моряков и теперь пребывал на заслуженном пенсионе. Переехав в мамину квартиру, он отдал своё жильё детям, оставив себе для души кусок земли с домом, летней кухней и банькой в садоводстве, расположенном совсем недалеко от ж/д станции Васкелово. На этой даче их новая семья и проводила всё своё свободное время, занимаясь различными садовыми делами.

Правда, в моём активе была половина или как правильно сказать юридическим языком, одна вторая часть доли в небольшом домике с пристроенным сараем и гарантированными шестью сотками на запущенном земельном участке. Небольшая деревенька находилась совсем рядом с известным всему миру Ладожским озером. Как выяснилось, эта половина деревенского хозяйства, уже давно была отписана и должным образом на меня оформлена, о чём было прописано в соответствующей бумаге с гербовой печатью не существующего теперь государства. Дарителями были мои родные дед и бабушка, любимые и почитаемые мною с раннего детства, которые владели этим хозяйством. Вторая половина наследства принадлежала отпрыскам нашего рода, но посещать дом и заниматься на земле им было как то не досуг. Имея гарантированное место для дальнейшего постоянного проживания, мне пришлось вдоволь "походить" по различным государственным инстанциям и конторам для того чтобы получить в новенький паспорт гражданина РФ с двуглавой византийской птицей на обложке штамп о прописке в Ленинградской области и скромную пенсию от своей "богодельни".

Для удобства жизни несколько лет мне пришлось снимать небольшую однокомнатную квартиру в одном из спальных районов Петербурга. Потом случилась зимняя автомобильная авария, после которой я буквально чудом остался жив, несколько больничных месяцев проведённых в гипсе и лечении, будничная выписка в середине весны и внезапно наступившая радость жизни. Для полного восстановления организма и сил врачи порекомендовали сменить образ жизни и временно оставить работу. Я, всегда легкий на подъём, быстро собрался и покинул любимый мне город, перевезя за один раз весь свой не хитрый скарб, и стал обживаться в родовом гнезде, не переставая каждый раз удивляться, казалось бы, знакомым с раннего детства порядкам и образу жизни в неизвестной мне отчизне. В тот же год осенью возникла необходимость привести в порядок прохудившуюся от ладожских ветров и уставшую от времени крышу. Для представления полного объёма ремонтных работ я вынужден был забраться на чердак, который длительное время служил кладовой для различных не нужных предметов быта, древней техники времён СССР и ненужных вещей. Одним словом, я обнаружил много интересного и нужного в хозяйстве, начиная от угольного утюга с коромыслом, заканчивая стареньким холодильником "ЗИЛ" и рабочим телевизором "РЕКОРД"! Но самой значимой для меня находкой оказался дедов сундук, который раньше стоял в его комнатке и с раннего детства мне запомнился как запретный ларец, куда нам детям совать свой вездесущий нос

было категорически запрещено! Позднее этот старый сундук был спущен с "небес на землю" и возвращён на своё законное в доме место. При беглом осмотре сундука я обнаружил, что внутри лежали и тщательно сохранялись альбомы с фотографиями, своеобразный семейный архив, документы, зашнурованные папки с бумагами, плотные матерчатые свёртки перевязанные накрест прочным шпагатом, чертежи каких то приспособлений и узлов, красивые металлические коробочки из под конфет монпасье и чая, выцветшие старые журналы, и другие на первый взгляд бумажные мелочи. Тут же нашёл альбом со старыми пластинками, вытащив одну из них и подсвечивая себе лучом фонаря, я с удивлением прочитал, что было написано на этикетке – "Наркоммаш СССР, Ногинский завод, 1946 год, "РАССТАВАНИЕ", Джаз-оркестр под управлением Цфасмана, соло Михайлова...". На дне сундука хранилась и потёртая коробочка с небольшим патефоном. Признаюсь, что у меня не сразу дошли руки ещё раз поднять крышку и более детально разобрать содержимое этого "ларчика". Лишь спустя время, в один из тёмных зимних дней, мне удалось тщательно просмотреть всё содержимое этого, хранящего семейные тайны, сундука. Среди прочих вещей извлёк из недр сундука большую картонную коробку, в которой среди бумаг нашёл прилично затёртую книжку Джека Лондона в переводе Горфинкеля ещё довоенного издания, подписанную красавице Марии в августе сорок второго года. В той же коробке нашлось дедово письмо, написанное им незадолго до смерти и адресованное лично мне, которое я сразу же убрал в нагрудный карман своей рубашки. Это письмо лежало поверх нескольких канцелярских тетрадей, открыв и прочитав пару страниц одной из которых, я сразу же понял, что это записки-воспоминания, написанные моим дедом в разное время жизни...

Забросив на время свою ревизию, я не удержался и сразу же раскрыл, лежащую под тетрадками металлическую коробку из-под привозных заграничных конфет, в которой оказались награды. Сел на бревно чердачной лаги и, подсвечивая себе фонариком, стал рассматривать немного потускневшие от времени ордена и медали. С детства знал, что мои дед Володя и бабушка Мария принимали активное участие в той страшной войне, унёсшей миллионы жизней, но то, что оба были не раз награждены, в тот день я узнал впервые. В семье было не принято говорить о войне, которая своим безжалостным катком жестоко прошла по родным и близким мне людям. Штапованные юбилейные медали рассматривать не захотел и отложил их отдельно. Из наград военной поры разглядел две победные медали, две медали "За оборону Ленинграда", медаль "За Отвагу" на старой прямоугольной колодке с затёртой красной лентой и три ордена "Красная Звезда" и простенькая, на первый взгляд, медаль "За взятие Берлина". Орден "Красное Знамя", лежащий вместе с удостоверением на имя деда, был заключён в небольшую прямоугольную коробочку красного цвета размером не больше ладони. Почему то этот орден был вручён только в шестьдесят восьмом году. Но больше всего я проникся, когда в мои руки попала партизанская медаль первой степени и орден "Отечественная война" тоже первой степени. Причём этот орден с помощью кольца был подвешен к прямоугольной колодке с красной лентой. Судя по номерам, выбитым на реверсе наград, "Отечка" и "Отвага" были получены в первые два года войны, когда наградами особо не баловали! Также в руки попались три знака, на которые я тоже обратил своё внимание – это были "Отличник санитарной службы", сильно потёртый и явно довоенный "Отличник РККА" и более поздний, говорящий о многом, знак "50 лет ВЧК-КГБ СССР". Первые два знака в начале сороковых годов ценились не меньше чем медали. Третий знак, видимо, был вручён деду вместе с "боевиком", когда мне было меньше года от рождения, и навивал в моей голове определённые мысли, догадки и предположения. В этой же коробке лежала, потемневшая от времени серебряная табличка-ромб с гравировкой, на которой читалась фамилия деда и дарственная надпись. Прочитав внизу таблички подпись того, кто был дарителем, немало удивился – им оказался знаменитый Лев Захарович! Мехлис!

Зимними днями и вечерами, когда у деревенского жителя бывает много свободного времени, я разбираю бумаги этого своеобразного семейного архива, смотрю фотографии и читал

рукописные записки-воспоминания моего деда. Для себя узнал много нового и о том времени и о той войне, которую нынешняя молодежь уже начала немного забывать. Записки из некоторых тетрадей я, как сумел, отредактировал, переписал, дополнил различными справочными данными, кое-что домыслил и теперь решился представить на суд читателя, ведя повествование от первого лица.

Посвящается 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Часть I. Утро вторжения

Глава 1. 27 апреля 1940 года. Начало

Конец апреля порадовал москвичей отсутствием дождей, ясным небом над городом и первыми тёплыми деньками. Небольшие заморозки в ночное время суток серебрили землю лёгким инеем, но это уже были жалкие потуги зимы, желавшей ещё хоть на какое-то время вернуть холода и снег по всему северо-западу страны и здесь в столице. А ещё до наступления весны армия тяжело воевала...

Сегодня среда – середина шестидневки, по которой живёт и работает вся страна, а до выходного дня ещё долго. Утром погода порадовала – по радио объявили, что днём ожидается температура более 10-12 градусов тепла. Синоптики не обманули, днём было тепло и солнечно, так что ему пришлось приоткрыть створки одного из окон огромного кабинета, из которого видны древние Кремлёвские башни. До слуха доносились обычные звуки весенней улицы и зазорное чириканье птиц. Столица готовилась к празднику – к встрече Первомая.

Москвой он был очарован! Конечно, в родной Грузии тоже всё прекрасно, по крайней мере, с его стороны было приложено немало усилий, чтобы республика за последние несколько лет буквально расцвела, но там не те масштабы, чем в столице, а работа здесь совершенно иная, чем на Родине. Ему всего сорок лет, а он чувствует себя лет на десять-двенадцать старше. На голове появились залысины, когда-то стройная фигура начала постепенно набирать столичный жирок, с которым приходится бороться. И ещё этот бешеный ритм работы, который когда-нибудь свалит с ног, а этого допустить совершенно нельзя! А ведь когда-то в юности, мечтал рисовать и строить дома! Он уже больше года занимает беспокойный пост Народного Комиссара, самого всесильного ведомства, и, тоже, по-своему ломает и строит, правда, теперь идеальную систему безопасности страны.

Несмотря на замечательную погоду, город ещё до конца не проснулся, хотя уже и слышны звонкие гудки ранних трамваев и автобусов, делающих свои первые маршруты по улицам. Горожане, спешащие на заводы и фабрики, только-только начинают собираться на остановках, толпятся, опасаясь не попасть вовнутрь салонов общественного транспорта. Не видно только совслужащих – они поедут в свои учреждения несколько позже. Машина не спеша везёт Наркома на Лубянку. Встречные авто пока не попадаются, как не видно и регулировщиков дорожного движения в их белоснежной форме, с белыми крагами на руках, которые всегда заученными движениями, используя палочку жезла, лихо управляют потоками транспорта на перекрёстках.

Лаврентий Павлович сидит на заднем сидении роскошного салона и, в нарушении инструкции, любит проспектами и улицами утреннего города, отодвинув в сторону салонные шторы на окне. В открытое окно автомобиля залетает апрельский ветерок, солнечные лучики, уже набравшие силу, легонько слепят глаза и бликуют на стёклах пенсне. Нарком обращает внимание как по всему маршруту следования сотни садово-парковых работников уже по-деловому суетятся, работая на улицах столицы. Он с удовольствием видит, как люди в рабочих спецовках высаживают цветы на клумбах, подкрашивают свежей краской скамейки, столы, заборные ограды парков, бульваров и скверов. На домах вывесили красные флаги и перетяжки с поздравляющими текстами на красной материи, из репродукторов слышится всем известная музыка маршей советских композиторов, в которую часто вклинивалась испано-итальянская оперная музыка. В строго назначенное время трансляция прерывается, музыка замолкает и на короткое время уступает место выпускам последних новостей. Пока улицы не

сильно заполнены людьми, поливные машины проливают холодной водой асфальтное покрытие шоссе. Утренняя Москва жила своей жизнью. А главное – везде было чисто!

Нарком сегодня весь день сидит у себя в кабинете и работает с различными "бумагами", папки с которыми аккуратно разложены на его огромном столе. Сегодняшний рабочий день у него как то сразу задался, и всё решалось и получалось легко. Настроение у хозяина кабинета тоже было приподнятое, хотя до праздника ещё было несколько дней.

Он проснулся как всегда рано утром, встал, сделал небольшую пластическую гимнастику, затем, стараясь не греметь, немного помучил элегантную штангу, сделанную на заказ, точно такую же, какую зрители привыкли видеть у силовых жонглёров на цирковых представлениях ещё в начале века. Мужчина с удовольствием выполнил несколько упражнений таких, чтобы мышцы почувствовали приливающую к телу энергию силы. Далее он прошёл в ванную комнату, принял контрастный душ, затем тихонько напевая слова любимой песни "На границе тучи ходят хмуро", бывшей, между прочим, неофициальным гимном пограничников и танкистов, побрился и начал одеваться. Про пограничников и танкистов вспомнил потому, что со дня на день в "Правде" и в других ведущих газетах страны, должны напечатать Указ "О награждении его пограничников, отличившихся в боях с белофиннами".

Оделся просто – никакого "официоза" сегодня не предполагалось, а в планах на день была только кабинетная текучка, и надевать форменную одежду желания не было, и поэтому предпочтение было отдано гражданскому "платью". Тёмный костюм, идеально сшитый из дорого заграничного материала и по последней моде, скрывал недостатки начавшей полнеть фигуры, сидел как влитой. Под пиджаком видна белая рубашка, отглаженная заботливой женой, на ногах блестящие туфли из мягкой кожи. Зная, что сегодня будет жарко, он не стал вязать галстук, забыв его на спинке стула. Осталось только позавтракать, для чего мужчина проследовал в свой кабинет, в который специально обученная домохозяйка принесёт стакан крепкого чая, лёгкий завтрак и вазу со свежими фруктами. Нарком любил завтракать в своём кабинете и одновременно делать свою "домашнюю работу", так в шутку он называл эту свою привычку по утрам читать рабочие бумаги, чтобы потом, когда водитель будет его везти в главное здание "конторы", можно было подумать и спокойно осмыслить всё прочитанное. А уже после рабочего дня, по приезду домой и даже после ужина в кругу семьи, прочитать бумаги заново и принять решение. В делах Наркомата, который он возглавляет уже больше года, торопиться нельзя. В строго назначенное время водитель просигналил, подав один гудок клаксоном, обозначающий, что время выходить к машине и ехать на работу, уже подошло. Нарком решил, что посмотрит последнее прошение или ходатайство, ждущее своей очереди на столе, затем поедет на работу, но в последний момент передумал и решил отложить просмотр на вечер.

Уже в прихожей мужчина посмотрел на себя в высокое, больше человеческого роста, зеркало и остался доволен выбором одежды. Шикарную шляпу и светлый плащ он одел при выходе из дома...

За делами незаметно прошли часы рабочего дня – хотя какие могут быть нормы при его "работе", они ведь не в шахте все работают, где надо рубить уголь. Хозяин кабинета снял с лица своё знаменитое пенсне, достал из ящика стола пенал, из которого извлёк небольшую замшевую тряпочку и начал неторопливо протирать линзы. Пенал он положил на зелёное сукно, покрывающее дубовую столешницу, совсем близко от корпуса красивой лампы с зелёным абажуром, возле которой нашёл своё место чернильно-письменный набор с бронзовым пресс-папье и вычурной вазой из которой, словно пики, видны острозаточенные грифели карандашей. По правую руку сидящего расположились пять телефонных аппаратов различного назначения. Наркому вспомнился разговор, состоявшийся пару лет назад, когда Наркомат возглавлял малорослый Николай Ежов, а он был его заместителем. Тогдашний руководитель ведомства предлагал ему заменить это чеховское пенсне модными очками с прямоугольными стёклами линз, установленными в модную черепаховую оправу. Говоря, шутя, он предлагал:

"Когда ты, Лаврентий Павлович, ходишь в модной гражданской одежде, то очки на твоём лице так же должны тоже соответствовать...".

Менять пенсне на очки он отказался, отговорившись, что привык к этому пенсне и носит его уже почти двадцать лет. Ежова давно уже нет и в когда-то возглавляемом им Наркомате, произошли кардинальные изменения. Закончив наводить блеск на линзах, он не стал пенсне одевать на нос, а решил ещё немного дать отдых своим уставшим от чтения, глазам. Нарком несколько раз по кругу обвёл взглядом свой просторный кабинет, сначала слева направо, потом наоборот, затем несколько раз посмотрел от пола до потолка и наоборот, причём все действия выполнял, вращая только глазами, а голова оставалась на месте и не шевелилась. Затем он откинулся всем телом на спинку стула, сведя ладони рук на затылке, начал большими пальцами рук выполнять круговые движения за ушными раковинами, разгоня застоявшуюся кровь. Выполнив такие не хитрые упражнения, Нарком поднялся со своего рабочего места, подошёл к приставному столу для посетителей, снял свой пиджак и небрежно бросил его на спинку ближайшего стула. На лацкане пиджака тускло блеснул вишнёвой эмалью депутатский значок. Хозяин кабинета ловко закатал рукава светлой шелковой рубашки, расстегнул ещё одну пуговичку у воротника, сделал пару шагов от стола и принял стойку – ноги на ширине плеч, руки сведены у груди и начал выполнять известные всем физкультурникам разминочные упражнения. В голове пронеслась мысль: "Уже скоро вечер, а я тут утренней производственной гимнастикой разминаюсь!"

Нарком выполнил ещё несколько упражнений, затем пару раз прошёлся по всей длине кабинета, благо места было предостаточно. "Хозяин" в последнее время выработал привычку разговаривать с людьми, вызванными в кабинет, неторопливо прохаживаясь по ковровой дорожке и держа в руках свою знаменитую трубку. Такая кабинетная ходьба даёт ему лишнее время на обдумывание ответа, но так же и даёт время собраться с мыслями человеку, с которым ведётся диалог", вышагивая по своему кабинету, размышлял Нарком. Он был почти на двадцать лет моложе вождя и обладал кипучей энергией, поэтому ходьба вдоль кабинетного стола у него как-то не прижилась, но иногда практиковалась. Лаврентий Павлович вообще любил, чтобы в его кабинете была непринуждённая, деловая обстановка при которой любому сотруднику давалась возможность отстаивать свою точку зрения и иметь своё мнение, особенно если оно было подкреплено ничем не прошибаемыми фактами и доказательствами. На столе всегда стояла ваза или корзинка со свежими фруктами, доставленными утром с аэродрома – это были своеобразные подарки от земляков и друзей. Закончив разминку, Лаврентий Павлович не стал надевать пиджак, а так и оставил его лежать на спинке стула для гостей, затем прошёл к своему рабочему месту, сел в удобное кресло рядом со своим письменным столом. На глаза попала пенсне, которое тут же было водружено на своё законное место на переносице прямого с небольшой горбинкой носа. "А пенсне было не простое, пенсне было золотое! – негромко пропел Нарком и продолжил говорить сам с собою. – Вот, чёрт! Далось мне это пенсне..."

Когда ехали домой Нарком вспомнил разговор, произошедший ещё до финской войны с одним из своих заместителей, с недавнего времени возглавляющим один из ведущих отделов Наркомата, который тогда был приглашен в его кабинет. В тот день Нарком захотел лишний раз проверить своего нового зама на сообразительность и, выслушав обязательный доклад о текущих делах, неожиданно спросил:

Что ещё нового и интересного из того, что может пригодиться нам для работы, что можно взять на вооружение от наших зарубежных "коллег по ремеслу"? Мы же должны идти в ногу со временем! Даже этот негодяй "Ёжик" и тот понимал, что многое надо менять и брать на вооружение всё новое и передовое. Один раз он даже мне сказал, что вот это чеховское пенсне – интеллигентщина чистой воды и пережиток прошлого. Шутил он так! Предлагал мне поменять пенсне на очки! Ты не стесняйся Павел, говори! – произнёс Нарком в своей обычной полушутливой манере.

На самом деле, товарищ Нарком, монокли, пенсне, очки, действительно уже вчерашний день и как Вы сказали, наши "коллеги по ремеслу" начинают переходить на контактные линзы, выпуск которых освоили в дружественной нам Германии. Говоря по-простому, их "глазники" могут творить чудеса в офтальмологии. – Павел специально произнёс это малознакомое слово "офтальмология", чтобы начальник не подумал, что он не знает, как правильно называются доктора такого профиля во всём мире. Молодой сотрудник так и сказал, что в скором времени надобность постоянно носить очки совсем отпадёт. С помощью линз можно будет менять для маскировки даже цвет глаз. Представляете, до чего додумались! с плохо скрываемым восхищением произнёс недавно назначенный зам и продолжил рассказывать дальше. Немцы уже смело режут бельма на глазах, пробуют менять хрусталик внутри глазного яблока и экспериментируют с лечением старческой катаракты. Одним словом, возвращают людям зрение.

Отходить от давно сложившегося плакатного образа, который был на виду у всей страны, Нарком не захотел, но рассказ о линзах запомнил. Немного помолчав, переваривая всё услышанное, тогда он плавно перевёл разговор на другую медицинскую тему, задав подчинённому следующий вопрос:

А, что ещё нового ты Павел, можешь добавить к сказанному? – и лукаво улыбаясь, продолжил: Только о достижениях немецких ортопедов, и какой протез сделали их главному идеологу, мне рассказывать *не стоит* – я и так прекрасно знаю!

Павел, не смущаясь, отвечал начальнику:

Совсем неплохих успехов немцы достигли в стоматологии, причём не только в изготовлении, идеальных съёмных зубных протезов для стариков, но и в изготовлении тайных зубных контейнеров для своих специальных агентов, дипломатических работников, высших офицеров и генералов. Теперь они могут перевозить микро фотокассеты или хранить в таком контейнере мельчайшей капсулы с сильнодействующим ядом. Да-да, я не оговорился, если диверсанты и шпионы, которых пачками ловят наши пограничники, не хотят идти в наши кабинеты для беседы, при слове "кабинеты" Павел замолчал и слегка улыбнулся, затем продолжил: они банально грызут воротники своей одежды и умирают. Яд из зубного контейнера можно достать и использовать по назначению именно тогда, когда другого выхода уже действительно нет. Никто из сотрудников, выполняющих досмотр, не догадается разглядывать чужие зубы и искать спрятанные в них пилюли смерти.

Эта информация интересна! А, что есть ещё? с явным интересом продолжил спрашивать Нарком.

Их дантисты из "Шарите" практикуют изготавливать из титана штыри с резьбой, которые операбельным путём вживляются в костную ткань челюсти пациента, а потом, дней через десять, с помощью миниатюрного гаечного ключа на этот штырь монтируется зубной протез, трудноотличимый от настоящего зуба. Подбирают даже цвет зубной эмали, так чтобы протезы нельзя было отличить от родных зубов, закончил рассказывать заместитель.

Действительно интересно! Я хоть всю жизнь боюсь зубных врачей и не люблю посещать их кабинеты, понимаю, что это очень важная проблема, особенно после недавних событий на Халкин-Голе. Это тебе не пломбы из амальгамы серебра и меди народу ставить и стальные коронки на зубы *кляпать*! Хоть это дешёво и сердито! Мне тут недавно довелось беседовать с одним комбригом, которого при моём предшественнике закатали в "кутузку", и которого я вернул назад, чтобы этот человек, своими академическими знаниями, ещё мог воспитывать и учить будущих командиров Красной Армии и приносить пользу стране. Так у него помимо отбитых потрохов, полный рот блестит сталью вставных зубов. Я при разговоре с ним старался в лицо ему *не* смотреть! Мы недавно на Политбюро приняли соответствующий Указ о соблюдении мер социалистической законности при ведении следственных действий. Того комбрига отправил в Архангельское, в санаторий РККА, чтобы здоровье поправил, а потом поехал вместе со своей семьёй в отпуск, к нам в Грузию. Ты Павел, можешь мне что-нибудь мне отве-

тить на вопрос – как у нас решаются подобные вопросы? Что есть нового? Или мы как всегда отстаём? Что ты на меня так смотришь, дорогой мой друг? подтвердив заинтересованность и рассказав случай из жизни, Нарком задал заму интересующие его вопросы.

Мы пока сильно отстаём, товарищ Нарком! чётко и твёрдо ответил Павел.

Не верю! Что, у нас в стране совсем не осталось хороших "зубодёров"? А что будет потом, если начнётся война и враг начнёт пулями и осколками мужичкам выбивать зубы и калечить челюсти? В северных лагерях свирепствует цинга, от которой зеки мрут... сотнями! А кто нам будет обеспечивать тыл? Как ты думаешь, мы готовы к такому развитию событий? Чего молчишь и мнёшься? Горазд ты рассказывать начальству про чужие успехи, а про наши достижения ничего не знаешь! Или я ошибаюсь?

Ошибаетесь, товарищ Нарком! Владею! Я готов вам ответить! быстро вымолвил заместитель.

Говори! кратко произнёс Берия.

Знаю, что на сегодняшний день вопросами трансплантации, т.е. вживления искусственных зубов в нашей стране, ещё до революции занимался профессор Знаменский. Он давно умер, но остались талантливые ученики. Сейчас в Москве работает кафедра института стоматологии, которую возглавляет профессор Евдокимов, ученик Знаменского. Про этого Евдокимова я знаю, что он из бывших преподавателей Московской зубоучебной школы, в Гражданскую войну до 1922 года воевал в Красной Армии, потом был отозван и возглавил кафедру стоматологии во Втором Московском медицинском институте, теперь заведует кафедрой на базе ГНИСО. На этой кафедре не только готовят "зубодёров" для страны, прошу прощения товарищ Нарком, что говорю такими словами, но как вспомню, что раз в год надо идти и садиться в кресло стоматолога, то забываю нормальное человеческое название этих докторов. Ещё за неделю до визита к ним, перестаю нормально себя чувствовать! Так вот, готовят не только специалистов стоматологов, но и ещё активно занимаются различными научными исследованиями. Вы правы, товарищ Нарком, конфликт на Халкин Голе доказал, что нашей медицине надо двигаться дальше и дальше... Я конечно не специалист в этой области, но понимаю всю остроту текущего момента и нехватки у нас в этой области специально обученных людей. Павел, буквально на одном дыхании ответил Наркому.

Молодцы! Хорошо ответил! Возьми себе из корзины яблоко или *апэльсин!* с этими словами хозяин кабинета рукой указал на корзину с фруктами, стоящую на столе...

Вспоминая сегодня этот разговор, Нарком с удовольствием отметил, что результатом той беседы в 1939 году Государственный Научно Исследовательский Институт стоматологии и одонтологии и Московский Стоматологический институт в скором времени были объединены вместе и получили общее название – Московский Государственный Стоматологический Институт (МГСИ). В новом институте была открыта кафедра госпитальной хирургической стоматологии и челюстно-лицевой хирургии, которую возглавляет Александр Иванович Евдокимов. События на Карельском перешейке сразу же показали, что принятое тогда решение оказалось правильным и своевременным. Более того, он как Нарком, дал чёткие указания сотрудникам на местах, чтобы докторам и профессуре института дали возможность спокойно и без оглядки работать. При необходимости институтские работники могли подать рапорта о пересмотре дел и возвращении на кафедры института некоторых осужденных специалистов из этой области медицины.

"Нет, это пенсне будет со мной до самой глубокой старости, если она конечно когда-нибудь наступит! Надо же, второй раз за день, всякая ерунда лезет в голову... подумал Лаврентий Павлович, убирая пенсне в карман своего пиджака. Но какая-то важная мысль из того разговора засела в голове и он продолжил размышлять дальше. Как Павел тогда сказал? «... Пограничники ловят пачками диверсантов и шпионов...» примерно так? Меня зацепило слово пограничники, почему? А я ещё всем говорю, что имею идеальную память... или уже надо

говорить имел? С этим лавинообразным, как снежный ком, потоком первоочередных государственных и других, не менее важных для страны дел и забот, что-то могло и затеряться в кипах нескончаемых бумаг. Одних только прошений по пересмотру дел накопилось столько, что если всё читать и вникать, то уйдут месяцы, а то и годы. А времени как всегда не хватает. Даже дома, утром и вечером, ему приходится сидеть у себя в кабинете и работать, вместо того чтобы побыть лишним час с семьёй, – размышлял Лаврентий Павлович. Нино обижается, что они давно вместе не ходили в театр. В Москве сейчас идёт много постановок и спектаклей. В Сокольниках, в Зелёном театре поёт уже порядком подзабытая зрителем Изабелла Юрьева. Певица снова популярна! Для молодёжи сегодня в Центральном Парке, в 19-00 будет "Маскарад". В Малом театре, из новых постановок идёт "Уриель Акоста" Карла Гуцкова, с артистом Остужевым в главной роли. Послезавтра можно попасть на спектакль "В степях Украины" по одноимённому произведению Корнейчука. Да что там театр! С этой работой даже на футбол выкроить времени не удаётся, чтобы нормально посмотреть на стадионе игру своего любимого "Динамо". А ещё обещал сыну Серго, свозить его куда-нибудь к нам в Подмоскowie в тир. Дома под тир оборудовано специальное помещение, но парню стрелять дома уже не интересно. Повзрослевший сын попросил отвезти его в настоящий стрелковый тир, где можно пострелять из винтовки новой модели, установить мишени на расстояние более трёхсот метров или выпустить несколько очередей из опытных образцов автоматического оружия, попробовать выполнить сложные упражнения, стреляя по внезапно появляющимся и исчезающим мишеням из надёжного нагана. Растёт парень, и, как всякий себя уважающий мужчина, тянется к оружию и технике! радостно думал Нарком. Уроки музыки ему уже не интересны. Всё правильно – защитник растёт! Так – теперь тир вспомнился, к чему это? "Тир", "пограничник" – наш выпускник спецшколы из Подмоскowie, весна 1939 года, конец Польши и его поездка в Минск... в Минске "Володарка", допрос свидетелем которого он невольно стал. Там ещё были два "мудака" -следователя, ещё из "ежовых" кадров, и фраза зека с головой обритой наголо. Как напористо, чувствуя за собой правду, он тогда произнёс: Товарищ Нарком, прошу ВАС лично разобраться в моём деле... Я не вражеский шпион, а сотрудник, при выполнении задания, попавший в сложные жизненные обстоятельства... Проверьте, а потом можете меня к чёртовой матери, поставить к стенке и расстрелять!!!

При "разговоре" в "Володарке" Нарком быстро вспомнил, что видел того битого зека ещё раньше – весной 1939 года, на выпускных экзаменах в одной из спецшкол. Почему пограничник? Начальник школы объяснил, что парень попал к ним с Дальнего Востока, после службы на пограничной заставе, той самой, где в своё время проходил службу легендарный Карацупа. Выпускник ему запомнился тем, что на отлично сдал экзамен по самообороне без оружия, запросто завалив троих нападавших на него ассистентов. Затем был экзамен по стрелковой подготовке, который был им сдан тоже на «отлично»! Более того этот курсант, мастерски владел одновременной стрельбой из двух наганов, продемонстрировав всем присутствующим интересный способ удержания оружия во время ведения огня. Позднее, в своём домашнем тире, ведя огонь по его методу из двух револьверов одновременно, стреляя по мишеням, он спалил не одну тысячу патронов. Как оказалось действительно интересный и эффективный способ. В строгом допросном кабинете Нарком в лоб спросил зека: "Ты кто? Откуда меня знаешь? а спустя мгновение сам вспомнил и назвал, где его видел. Пограничник? Школа и тир в Подмоскowie?"

После этих слов зек вымученно попытался улыбнуться, но смог только несколько раз кивнуть головой от усталости и волнения на короткое время потеряв дар речи... Тогда он ответил зеку, что услышал его просьбу и пообещал, что следствие во всём разберётся... Интересно, разобрались по совести на месте или нет? Скорее всего, что нет...

По приезду из командировки по Западной Белоруссии, уже работая в Наркомате, он дал задание взять на контроль это дело и спустя время доложить об исполнении. По времени пору-

чение было дано до начала ноября 1939 года – да, как раз перед самым совещанием у "Хозяина" он вернулся в Москву. 03 ноября было совещание у товарища Сталина, потом было другое совещание в Кремле, где рассматривались вопросы по финским делам. До 29 ноября Нарком каждый день был у Сталина, а 30 ноября 1939 года началась война с белофиннами. Да и совсем не мудрено, что при таком бешеном ритме работы, понадеявшись на своих сотрудников, какие-то мелочи он мог упустить из виду.

Утром, за завтраком, просматривая очередную кучу документов о возвращении людей на службу в органы, в РККА и в РКФ, взгляд Наркома "запнулся", на одно из таких прошений, которое показалось очень своеобразным – "просили" за бывшего пограничника, которые, как известно бывшими не бывают. Но толком посмотреть прошение не получилось – раздался короткий клаксонный гудок, которым водитель извещал, что машина подана и ему пора отправляться на службу, куда Нарком, по давно заведённой привычке, старался приезжать к строго определённого времени. Интересная папка, в которую он успел заглянуть только мельком, была отложена на вечер.

По дороге домой, сидя в роскошном салоне своего "ЗИСА", Лаврентий Павлович почему-то опять вспомнил папку, изучить которую, утром у него не хватило времени. Нарком быстро прокрутил в голове прочитанную информацию из папки "пограничника" – бывший сотрудник одного закордонных отделов, со слов просителя подвергшийся необоснованным репрессиям, но проявивший личную смелость и отвагу при штурме пресловутой линии Маннергейма на Карельском перешейке. Будучи добровольцем одного из специальных диверсионных отрядов, сформированных из студентов выпускных курсов института физической культуры имени Лесгафта, которыми командовал полковник Мамсуров, боец отлично себя проявил, находясь в тылу белофиннов в составе разведгруппы и в последующих боях при выходе из окружения. К ходатайству приложены несколько поручительств. "Очень похоже на того парня из минской Володарки. А я, то дело совсем выпустил из вида. Интересно, а почему мне тогда никто ничего не доложил? Разберусь с этой папкой сразу же после ужина и общения с семьёй", решил для себя всесильный Нарком, открыл окно салона и стал смотреть на улицы вечерней столицы...

Ужин в кругу семьи прошёл буднично и просто. После еды думать о работе совершенно не хотелось, и Нарком, как любящий отец и муж, весь вечер посвятил семье. Немного напустив на себя строгости, проверяя отметки в дневнике, он пожурил Серго за тройку по французскому языку, попросил его исправить плохую оценку в самое ближайшее время. Затем он задал парню несколько вопросов на языке мушкетёров, правда, с небольшим акцентом, выдающим в говорившем человека из южных земель. Ответами он остался доволен, легонько похлопал своей ладонью по плечу сына и похвалил, произнеся короткое слово: "Молодэц!".

Некоторое время отец и сын обсуждали последние новости в мире радиотехники и связи. Потом, оставив сына заниматься своими делами, он прошёл на второй этаж своего особняка в большую комнату и стал рассматривать пластинки для проигрывателя, которые Нино недавно купила в музыкальном магазине на Арбате.

В их семье всегда любили слушать пластинки. В доме была собрана приличная коллекция классики и современных исполнителей. Но сегодня слушать музыку у него не было настроения, поэтому он просто поговорил с женой о разных домашних мелочах, в очередной раз пообещал ей, что в самое ближайшее время плюнет на все свои дела и они вдвоём обязательно сходят на какую-нибудь премьеру в Большой театр. А ещё пообещал супруге, что завтра заберёт её после занятий конным спортом из Манежа.

Уделив семье большую часть вечера, Нарком отправился к себе в кабинет и решил немного поработать перед сном. В кабинете он сразу же стал внимательно читать листы документов из папки, о которой несколько раз вспоминал днём и по дороге домой. Перечитав несколько раз все справки и документы, аккуратно подшитые к делу, минут пять Нарком сидит

закрытыми глазами и думает, а потом его рука снимает с телефонного аппарата трубку с длинным проводом, подносит её к уху, а другой рукой посылает вызов на внутреннюю телефонную станцию. Ответ долго не заставил себя ждать.

Слушаю ВАС! вежливо отвечает телефонистка.

Здравствуйте! Соедините меня с товарищем Кругловым! Нарком просит её соединить его с одним из своих заместителей, который ведаёт кадрами.

Вызов принят. Соединяю. Говорите, приняв вызов, ответила телефонистка хорошо поставленным голосом, выполнила соединение и отключилась.

Здравия желаю, товарищ Народный Комиссар Внутренних Дел! Вы меня искали? послышался голос в телефонном наушнике трубки.

Добрый день, *вэрниее* сказать уже скорее поздний *вэчер*! Сергей, какой хороший и тёплый сегодня был день, произнёс Нарком и перестал говорить, видимо, что-то обдумывая для начала серьёзного разговора...

Так точно, сегодняшний день всех порадовал, отвечал заместитель, ещё не до конца понявший, чего от него хочет начальник в столь поздний час.

Завтра найди время и зайди ко мне в кабинет, лучше во второй половине дня. Да не просто зайди, а подробно всё узнай про одного нашего парня, раз ты теперь у меня сидишь на кадрах. У меня на столе лежит ходатайство, в котором меня просят разобраться в деле какого-то Горского, бывшего нашего сотрудника. Папку с делом я прочитал, но чувствую, что в ней не всё отражено. Хочу о нём знать всё! Даже то о чём этот Горский, не может знать или догадываться, произносит в микрофон телефонной трубки Нарком.

Глава 2. 28 апреля 1940 года. Кабинет наркома

В 14-30 в приёмной раздаётся телефонный звонок, трубку снимает дежурный помощник, молодой парень в чине лейтенанта ГБ, после обязательного представления прикладывает телефонную трубку к своей голове и слушает говорившего на том конце провода:

Так точно! Товарищ Нарком сейчас у себя в кабинете! Доложу! – заканчивая разговор, отвечает лейтенант...

После окончания разговора с абонентом помощник осторожно кладёт трубку на рычаги корпуса аппарата и сразу же поднимает трубку с другого телефонного аппарата своего всесильного начальника. Лейтенант дождался ответа, доложил Наркому, что звонил товарищ Круглов, спрашивал, готовы ли Вы его принять.

Передайте товарищу Круглову, что я его жду, произносит в телефонную трубку Лаврентий Павлович. Вызывая любого своего сотрудника на разговор, Нарком всегда старался подготовиться к предстоящему разговору и соответственно заранее обладать всей информацией по интересующему его вопросу. Сегодня всё было по другому – можно полагаться только на ту однобокую информацию, которую он вчера вечером почерпнул из папки с ходатайством. Спустя несколько минут, спросив разрешение, в дверь кабинета вошел помощник и сообщил, что Круглов прибыл и ждёт в приёмной, когда Вы его примете.

Пусть товарищ Круглов проходит в кабинет. Разговор у нас будет долгим, поэтому прошу меня не беспокоить, вставая с кресла, произносит Нарком и направляется навстречу входящему посетителю.

Разрешите войти, товарищ Нарком? четко рапортует вошедший.

Лаврентий Павлович, не давая Круглову закончить положенное субординацией представление, небрежно машет рукой, обрывая доклад сотрудника на полуслове, и произносит:

Проходи Сергей, не стесняйся! Я рад тебя видеть! Присаживайся где тебе удобно, лучше поближе к моему рабочему столу, одновременно со словами он показывает рукой на стулья возле приставного стола, приглашая стоявшего на входе в кабинет пройти и присесть. Мужчины вместе проходят к началу рабочего стола Наркома.

Располагайся. Хочешь, бери из корзины фрукты. *Свэжайише* – только утром привезли, с легким кавказским акцентом и улыбкой на лице, произносит Берия. На предложение отведать фрукты, Круглов вежливо отказался:

Спасибо товарищ Нарком! Я недавно отобедал в нашей столовой, и кушать пока не могу – соблюдаю режим.

Мужчина средних лет, в аккуратной подогнанной форме со знаками различия комиссара III-ранга, проходит вместе с хозяином кабинета к рабочему столу, отставляет массивный стул и занимает место за приставным столом, установленным для проведения совещаний и посетителей. Этот длинный приставной стол вплотную примыкает к массивному двухтумбовому письменному столу, за которым всегда работает Нарком...

В конце декабря 1938 года Сергей Круглов был назначен Особым Уполномоченным НКВД СССР и стал отвечать за расследование дел сотрудников Наркомата, но уже с февраля 1939 года Нарком назначил его своим заместителем и начальником Отдела Кадров НКВД. Это был поразительный взлёт карьеры сына простого молотобойца, который в свои 32 года занял такой ответственный пост в системе НКВД.

Заместитель Наркома уже привык к такой манере общения "шефа" со своими подчинёнными и ждал когда начальник перейдёт, что называется к делу.

Лаврентий Павлович прошёл к своему письменному столу, отодвинул стул, сел в кресло и удобно разместился на своём рабочем месте. Нарком отодвинул в сторону стопку приготовленных для работы папок с делами, поправил рамку с фотографией жены и начал с разговор:

Ишь! Фрукты он *не* хочет! Это друзья из Грузии меня не забывают! после этих слов Нарком отвёл взгляд в сторону и зачем-то посмотрел на боковую дверь, искусно замаскированную под одну из панелей, собранных из плашек тёмного дуба, которыми были отделаны стены кабинета. Круглов знал, что за этой дверью оборудована комната отдыха, в которой располагается диван из чёрной кожи с небольшими деревянными резными накладками по бокам и двумя кожаными подушками, рядом размещён небольшой стол для десертных блюд и два стула. В углу стоит платяной шкаф, в котором всегда висит полдюжины рубашек, с десятков галстуков, несколько костюмов, а внизу размещены пять пар туфель разного цвета. Справа от дивана расположен старинный буфет, внутри которого помимо посуды, был установлен небольшой холодильник "ЗИМ". Нарком любит, чтобы напитки всегда были прохладными, с небольшой слезой на стекле, а продукты и зелень сохраняли свою свежесть. Но самым передовым, на то время, была даже не радиолка последней модели, с мощным радиоприёмником, позволяющим слушать передачи со всего мира и встроенным проигрывателем, с редко встречающимися пластинками грамзаписи с песнями Казимира Малахова, лежащими рядом, а другая новинка того времени. Небольшой кинопроектор позволяет в любое время смотреть фильмы, причём не обязательно отечественных киностудий. Ещё с юности Нарком неплохо владел немецким и французским языками и, не прибегая к услугам переводчиков, мог самостоятельно смотреть фильмы, выпущенные киностудиями этих стран. В комнате отдыха было и другое чудо техники – серийный телевизионный приёмник чёрно-белого изображения "ТК-1", с зеркалом и небольшим экраном, размером 14*18 сантиметров, выпускавшийся в СССР по лицензии американской компании RGA. Эта новинка имела по высоте метровый корпус ТВ приёмника и шириной примерно 60 сантиметров, изготовленный из облагороженных деревянных панелей. 14 ручек настройки обеспечивали устойчивый приём сигнала зеленоватого изображения, принимаемый с телецентра. ТВ вещание велось пять раз в неделю, с 00 часов 00 минут до 00 часов 30 минут после того как заканчивалось радиовещание по всей стране. В отличие от своего сына Серго, Нарком ещё не очень умел пользоваться этим чудом техники и включал ТВ приёмник очень редко, предпочитая в свободную минуту смотреть по проектору комедии и другие фильмы. Туалет и ванная комната дополняли интерьер этой комнаты отдыха. Любой отель с мировым именем мог бы позавидовать такому оснащению техникой и комфортом в стенах этого кабинета...

Скажи мне Сергей, как мой заместитель, нападёт ли Гитлер в ближайшее время на Францию? Или поостережётся и решит выждать, совершая беспокоящие бомбардировки британских городов и блокируя своими подводными лодками все суда, следующие в порты Острова? издали начал вести разговор хозяин кабинета.

Думаю, что время поджимает, это если говорить о вторжении Германских войск через Ла-Манш на Британию. Остальные их действия тоже можно просчитать – они основному делу совсем не помеха! У Франции всегда была сильная армия, в составе которой более 3000 танков, самолёты и 140 дивизий, без учёта войск союзников. Вот только есть одна беда – Франция более двадцати лет ни с кем серьёзно не воевала, это если не брать во внимание их мышиную возню в африканских колониях. лягушатники думают, что их спасёт многокилометровая система укреплений под названием линия Мажино, кстати, очень гениально спроектированная и уже полностью построенная. Я думаю, что счёт уже идёт на недели! Круглов закончил докладывать Наркому своё мнение по этому вопросу.

Сотрудники из наших закордонных резидентур ИНО в своих донесениях называют примерно те же сроки. *Плюс*-минус середина, конец мая или начало июня. Даже *последний* двоечник-лейтенант посмотрит на карту и поймёт, что эту их линию, с её современными укреплениями и пушками, легче обойти через Бельгию или Голландию, а не переть *всём* войском прямо в лоб, через заграждения из колючей проволоки и минные поля, под перекрёстный огонь орудий и пулемётов. Немцы не станут просто так лить кровь своих солдат. Они совсем не дураки, уже успели осмыслить наше топтание на линии Маннергейма и всё учесть. Их Вермахт так делать

точно не будет. Я думаю, что Гитлер оккупирует Францию, тем самым, даст хорошего пинка этим любителям лягушачьего мяса и шипучих вин! Всё произойдёт очень быстро, Нарком замолчал, вышел из-за стола, прошёлся по кабинету, подошёл к корзине с фруктами, взял в руку большое яблоко, зачем-то поднёс его к глазам, рассматривая плод, несколько раз повертел его рукой, но передумав пробовать, положил обратно. Затем Берия вернулся к своему столу и, не садясь за стол, продолжил разговор. Кто-то из французов слиняет на Остров, чтобы впоследствии лить крокодиловые слёзы о несчастной стране, кто-то погибнет в боях. Но поверь мне, что не пройдёт и недели как прямолинейная французская полиция со своими уличными ажанами, больше похожими на уличных громил, а не на блюстителей порядка, начнёт хватать и помещать в кутузку всех недовольных французов. На тихих улочках и площадях снова заработают рестораны и кафешки, модернисты и художники начнут рисовать портреты, а "ихние" распутные *дэвки* станут кадрить офицеров и солдат блистательного Вермахта и Флота. Большая часть интеллигенции как всегда промолчит и будет тихо роптать по углам, не забывая при этом налить себе стаканчик вина. Мыслители и поэты будут петь дифирамбы новой власти и всячески её ублажать литературно. Французские работяги как работали, так и продолжат работать, зарабатывая своим тяжёлым трудом на прокорм своим семьям жалкие гроши. На улицах городов увеличится число клошаров, которые показывая гнойные нарывы на теле и скаля в ужасной улыбке свои гнилые зубы, будут выпрашивать любое подаяние, чтобы не подохнуть от голода. А ведь во всем случившемся будут виноваты только сами французы, но нам всё случившееся будет только на руку! Как тебе такие мои рассуждения? закончил свой длинный монолог Лаврентий Павлович.

Для Франции ВАШ прогноз совсем не утешительный! ответил Круглов.

Ладно, Сергей, это всё лирика! Случиться – не случиться... Нам с тобой надо думать о том, что в первую очередь касается непосредственно нас, начал разговор Нарком. Как ты помнишь, после возврата западных областей в состав страны, я долго мотался по командировкам. А по приезду в Москву, помимо других вопросов, озадачил сотрудника из твоего отдела посмотреть несколько дел. Ему надо было разобраться в обоснованности предъявления нашим бывшим сотрудникам обвинений в шпионаже в пользу Польши и Германии, но большее внимание следовало уделить Польше. Они мне, показались сшитыми белыми нитками... Потом была война с Финляндией. В этой круговерти событий и дел это задание совершенно выпало у меня из памяти, а недавно я узнаю, что этот сотрудник в нашем Наркомате больше не работает.

Так точно, товарищ Нарком! После Ежова оставалось много людей из его команды, тех, кого этот враг продвигал по служебной лестнице. Они по-своему были ему преданы и начали всячески мешать нам ломать старый аппаратный механизм. Сейчас, по мере сил, мы избавляемся от таких внутренних врагов, но они ещё есть, отвечал Сергей.

Сам знаешь, что честных и преданных людей сейчас катастрофически не хватает. А Гитлер всё больше и больше набирает силу. Мы можем и не успеть, если уже не успеваем, особенно в наших Органах, в Армии и особенно в разведке. Про закордонную разведку я вообще молчу! Наши резидентуры только-только стали заново возрождаться... произносит Нарком, слова которого Круглов внимательно слушает и в знак согласия кивает своей головой. Люблю всегда доводить дела до своего логического конца, каков бы он ни был, тем более, если дал слово разобраться по справедливости. Я тогда совсем по другим делам был в минской "Волондарке", но решил немного задержаться, проверить и оценить, как работают наши сотрудники на местах – взял и неожиданно явился на допрос одного подозреваемого. Этому парню предъявили обвинение в шпионаже в пользу Польши, а он всё упорно отрицал, и это не смотря на то, что его сильно допрашивали и крепко ломали их местные костоломы. Что ты на меня так смотришь? Как будто не знаешь, какие к подследственным, раньше применялись методы дознания! Я тогда запомнил злой взгляд того зека. Думаю, что и в тюрьме у панов из дефензивы, он тоже вёл себя достойно! Лаврентий Павлович на минуту замолчал, видимо вспоминая

что-то своё, совсем давнее, потом продолжил: Ты, Сергей, в силу своего возраста не знаешь, что в юности мне два раза тоже пришлось сидеть в тюрьмах. В последний раз из Кутаисской тюрьмы меня буквально вытащил сам товарищ Орджоникидзе! Надо сказать, что Серго, просто спас меня от *стэнки*. Сына назвал в его честь! И что? Я тогда тоже стал *прэдателем*? Товарищ Киров и другие товарищи по партии всё проверили и мне поверили! Почему же тогда наши *дэржиморды* решили, что этот сотрудник, как щенок, сразу задрал свои лапки кверху и переметнулся к врагам? Пограничник? Не верю! Тем более, что одним из просящих является товарищ *Мэхлис*! Да-да, тот самый, который на Карельском перешейке без суда расстреливал по нескольку командиров в день! Мои пограничники бывшими *нэ* бывают! Тебе на глаза его дело *нэ* попалось? произнеся эти слова, Нарком на какое-то время снова замолчал.

Мэхлис? А он то, каким боком в это дело попал? Лев Захарович... это Лев Захарович! про себя удивился Круглов и продолжил докладывать. Товарищ народный комиссар, разрешите мне доложить по делу? спрашивая разрешение на доклад, заместитель Наркома невольно встал со стула, уже держа наготове в руках, пухлую папку.

Да сиди ты уже, да! Не надо тут тянуться! Мы же не на плацу! произносит Нарком, давая понять Круглову, чтобы тот докладывал по делу без лишней субординации.

Лаврентий Павлович, честно скажу, что это дело попало к нам в поле зрения не сразу, а лишь только после ходатайства, направленного во второй отдел нашего секретариата по распоряжению старшего майора ГБ Мамулова. По этому делу было проведено расследование. Оригинал ходатайства с поручительствами отправлен Вашему секретарю и после вчерашнего вечернего разговора мне Ваш секретарь доложил, что дело находится вне стен Наркомата, а именно у ВАС дома, на личном рассмотрении. Делегат связи доставил запечатанную в конверт папку вместе с другими документами к ВАМ домой. Но лично я это дело в руках не держал, начал докладывать шефу Комиссар III-го ранга.

Но что-то ты можешь мне сказать по этому делу? Или у тебя пока тоже руки не дошли? задал вопросы Нарком.

Разрешите продолжать? проглотив едкое замечание шефа, кадровик готов был докладывать дальше. В знак согласия Лаврентий Павлович, не сказав ни слова, кивнул головой. Комиссар ГБ III-го ранга опять поднялся со стула и, держа раскрытую папку в руках, начал свой доклад. Докладываю по делу. Случай неординарный! Дело досталось в наследство от "ежовского" предшественника. Из того, что мы знаем, следует, что сотрудника зовут Горский Владимир Владиславович, он 1916 года рождения, был членом ЛКСМ, отлично отслужил срочную службу в частях пограничной охраны на Дальнем Востоке, неоднократно принимал участие в поимке и задержании вражеских шпионов и диверсантов. По окончании срока службы был зачислен в одну из специальных школ особого назначения, ориентированных на подготовку сотрудников для закордонной работы в Румынии, Польше и Германии. Знает немецкий и польский языки. Весной 1939 года, после окончания школы, был направлен в командировку на территорию панской Польши.

Нарком внимательно слушал доклад подчинённого и когда тот на мгновение замолчал, сделал глубокий вдох, собираясь продолжить, от себя дополнил рассказ:

А ещё этот парёнь идеально стреляет и прекрасно владеет приёмами самообороны! Сергей, я всё это знаю! Читал. Что ещё можешь сказать?

При выполнении своего первого задания он был арестован и попал в руки "оффензивы". Как стало известно из его показаний, кстати, позднее подтверждённых другими источниками, первую часть задания он выполнил, а когда через несколько дней пришёл на встречу, но сразу вступать в контакт с агентом не стал, "посылку" спрятал и решил осмотреться. Что-то ему там не понравилось, начал проверять... и загремел! Сейчас достоверно известно, что агент, с которым должна была состояться встреча, оказался двойным агентом. Да! Нам теперь точно известно, что "Адвокат" работал на польскую разведку и на адресе нашего связного уже давно

ждали! Их контрразведчики прекрасно знали, что должен прийти человек от Советов, принести не только документы и деньги для подполья, но ещё и запасные батареи для радики.

Ты сказал, что была первая часть задания? Что за задание? перебил Круглова Нарком.

Самая обычная, для агента-маршрутника... На перроне железнодорожного вокзала надо было передать нашему агенту, следующему проездом в Германию, микро-фотоаппаратуру, плёнки к ней, записку с новыми шифрами и деньги. Эту часть дела он выполнил идеально, можно сказать блестяще, проявив смекалку и изобретательность, докладывал обстоятельства дела Круглов.

И, что, *действительно* с первой частью задания всё прошло так хорошо? Есть подтверждения? засомневался Нарком.

Так точно! Есть подтверждение! Наш агент в Германии пользуется этим шифром почти год, отвечает Круглов.

Ты Сергей не обижайся! Я почему спрашиваю так с недоверием? После того как к врагу сбежали эти негодяи – Люшков, Никольский, Раскольников, Успенский, Кривицкий и другие, за кого из нелегалов можно поручиться, что они не раскрыты или не работают под контролем, либо живут под тщательным наблюдением вражеских спецслужб? Кто готовил к заброске этого сотрудника? произносит Нарком, снимая пенсне с лица и держа его в руках.

Непосредственно перед заброской всю подготовку взял на себя Михал Михалыч. Он тогда только что вернулся из Чехословакии и был подключён к той операции, доложил кадровик.

Знаю такого. Отличный сотрудник и специалист, задумчиво сказал Лаврентий Павлович, начиная протирать замшевой тряпочкой стёкла пенсне. А с Павлом ты разговаривал? Он тогда уже был начальником отдела и пытался восстановить резидентуры по всей Европе.

Я разговаривал с обоими Павлами и выяснил, что в нашем случае резидентура осталась цела. Эта уверенность у меня на все 100%! Более того этот Горский забрасывался не один, а с двумя агентами отправленными в страну на внедрение. Оба агента живы! излагает Круглов.

Хорошо. Докладывай дальше. Хочу знать, что произошло во время выполнения второй задачи? Лаврентий Павлович, продолжая тереть стёкла пенсне, внимательно слушает собеседника.

Они ждали связного очень долго. Коллеги из "оффензивы" не стали устраивать засаду прямо на квартире "Адвоката", но всю округу рядом с домом обложили своими людьми. В доме напротив открылось фотоателье, витрины которого выходили как раз напротив подъезда злополучной квартиры. На улице, в пределах видимости квартиры, обосновался передвижной павильон с водами и мороженым. В другой стороне от дома цветочница стала предлагать букеты гуляющим по улице влюблённым парочкам. Рядом с домом "Адвоката", расположен парк отдыха, где в последнее время вместо старика инвалида стали работать дюжие хлопцы с повадками ищеек. Всех, кто несколько раз прошёлся по улице возле дома "Адвоката", запоминали, брали на заметку, потом задерживали. В ателье фотографировали всех проходящих мимо. Городишко местечковый, многие друг друга знают, на буднях по улицам мало кто гуляет. Горский сам написал в своих показаниях, что немного поторопился. Говорил на допросах, что видел несколько своих уличных фотографий, сделанных в разные дни. На одном из снимков его запечатлели, когда он задрал голову и смотрел на окна квартиры "Адвоката". При его аресте был обыск в доме, где он снимал жильё, но подозрительного ничего не нашли, кроме связки примитивных отмычек, которые лежали в лотке, вместе с другими слесарными инструментами. Деньги, документы и батареи были спрятаны в другом месте. Место тайника Горский подробно описал в своих показаниях, но заявил, что без него найти ничего не смогут... На допросах в "оффензиве" агент "раскололся", что хотел ограбить квартиру, поэтому подолгу вертелся возле дома, вычисляя время, когда пана адвоката долго не будет дома.

А что, это очень хороший ход в такой ситуации! произносит Нарком.

Так точно! Им устраивали очную ставку, но безрезультатно. Отмычки и инструменты сработали на версию об ограблении. Рассказ о прогулках по улице и посиделках в парке тоже подтверждают слова о том, что "домушник" изучал обстановку и выискивал удобное окно, чтобы подломить хату... Он им так и сказал, что не знал о том, что по той улице часто ходить нельзя! Запретных знаков нигде не видно! Доказать шпионаж в пользу СССР они не смогли, хотя принимали его в "тех гостях" весьма чувствительно! Поляки всегда славились умением развязывать языки даже самым несговорчивым, но... с ним они выдохлись. Без приговора суда отправили на шесть месяцев в знаменитую тюрьму "Берузу Картузскую", известную всей Польше. В той тюрьме был самый безжалостный режим содержания подследственных и заключённых. Ему несказанно повезло, что 01 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. При подходе передовых немецких частей охрана тюрьмы частично разбежалась, частично перебита зеками. Канцелярию, где хранились личные карточки заключённых, ушлие воры сразу же подожгли. А вот в полицейских бумагах городка факт задержания Горского, как предполагаемого агента большевиков, был отражён и его подлинность не вызывает сомнения. Наш агент выбрался из тюрьмы, на улицах города царит хаос, толпа грабит лавки и магазины. Горский раздобыл себе одежду, обувь, набрал продуктов на несколько дней пути и отправился навстречу нашим войскам – танкистам комбрига Кривошеина. Отсутствие документов, новая малоношенная одежда и обувь, запас продуктов, сыграли с ним злую шутку – наши проявили бдительность и "приняли" парня, заподозрив в нём польского шпиона. Несколько дней продержали в подвале, затем отправили в Минск... Круглов прервал свой доклад.

Ну что же! Прекрасно! Я всё примерно так себе и представлял. Нашему герою ещё повезло – смог выбраться, а сколько таких новичков пропали навсегда и без всяких вестей возвратив пенсне на своё место у переносицы, произносит Нарком и тут же спрашивает своего главного кадровика: С этим всё ясно! Что было дальше? Почему это дело так надолго зависло?

Комиссар ГБ III-го ранга с невозмутимым видом продолжает докладывать:

Мой предшественник и его люди виноваты лишь отчасти. Когда ВВ товарищ Нарком отдали распоряжение разобраться в этом деле, в Минск на имя Наркома НКВД Белоруссии товарища Цанава был отправлен запрос, согласно которого Горского В.В. должны были этапировать в Москву на следствие в "Сухановку". Минские товарищи посадили подследственного в спецвагон для перевозки заключённых, поезда Москва-Минск. Такой вагон всегда подцепляется сразу же за паровозом или за вагоном со спецпочтой, дальше начинается нумерация пассажирских вагонов поезда. 05 ноября 1939 года в 03-50 скорый поезд N 12/11 Минск-Москва отбыл из Минска. Составом управляли машинист Иван Будкевич и помощник машиниста Игнат Мазур. За паровозом СУ был прицеплен вагон со спецпочтой, затем наш спецвагон, далее багажный вагон и остальные пассажирские вагоны. На всём протяжении маршрута следования скорый поезд делает всего три запланированные остановки. Не доезжая ж/д станции Смоленск, на перегоне от разъезда Днепровка и станции 4-го класса Катынь, на ж/д переезде Витебского шоссе, участок между деревнями Дубровка и Борок, произошла авария, из-за которой паровоз и несколько вагонов сошли с рельс, перевернулись и упали с насыпи в реку. Машинист не успел затормозить и протаранил стоящий на путях переезда, заглохший ГАЗ-ААА БЗ-38, произошёл сильный взрыв бензина, находившегося в цистерне. Бензоаппарат принадлежал Смоленской областной конторе "Нефтесбыт" и развозил для МТС заказанное топливо. Среди погибших – водитель Притыкин, машинист Будкевич, помощник машиниста Мазур, 19 пассажиров, 12 з/к, и 2 человека служащих конвоя. Число тяжелораненых и обожжённых, доставленных в центральную больницу города Смоленска составило 28 человек. Около сотни человек счастливо отделались ушибами и вывихами. Пропало без вести 6 з/к и один конвойный – от их тел остались фрагменты или изуродованные куски тел, разбросанные силой взрыва на расстояние около пятисот метров. Исходя из останков тел, патологоанатомы с большой долей вероятности определили, что они принадлежат конвойному и трём заключён-

ным. Возможно, что другие части тел попали в воду, и их унесло течением реки. Семь зеков, совершивших после аварии побег, были пойманы и заключены под стражу. На месте крушения срочно были приняты все меры по эвакуации раненых, тушению пожара и ликвидации последствий аварии. В спешном порядке из Смоленска прибыло несколько пожарных команд и специальный пожарный поезд. К месту аварии немедленно приехал начальник УНКВД по Смоленской области капитан ГБ Куприянов и дежурная рота конвойного полка НКВД....

А хочешь, Я тебе скажу, как свалили трое зеков, среди которых был наш Горский? неожиданно перебив докладчика, спросил Нарком, на лице которого появилась загадочная улыбка. Выдержав минутную паузу, Лаврентий Павлович сам начал излагать свою версию побега. Самым оптимальным для них было попасть в число жертв аварии из числа пассажиров поезда, сменить одежду, постараться найти документы и деньги среди разбросанных на земле чемоданов и баулов, благо неразберихи и хаоса там хватало. Оставалось самое малое – *спэшно* покинуть место крушения. Кареты скорой помощи, машины и даже телеги отвозили всех пострадавших, нуждающихся в оказании помощи по близлежащим отделениям скорой помощи и медицинским пунктам. Они действовали дерзко, нагло и цинично! Да! Иначе и быть не могло! Зачем тогда мы тратим столько денег на обучение в школах наших парней? Только так... всесильный Нарком прекратил говорить, ненадолго замолчал, думая о чём-то своём, потом продолжил: Мне думается, что я не ошибаюсь. Ты Сергей, потом при случае сам его спросишь, как им удалось тогда слинять! Но какой нахал и *молодэц*! с заметным восхищением в голосе произнес Лаврентий Павлович, потом посмотрел на Круглова и сказал: Сергей, продолжай докладывать!

На неопознанных зеков после крушения по всему СССР были разосланы ориентировки, как на беглых преступников... Так или иначе, но Горский добрался до Ленинграда, где отсиделся и предположительно даже немного наследил – было одно специальное сообщение из транспортной милиции. Но с 30-го ноября начались боевые действия против Финляндии и он под чужой фамилией вступил добровольцем в разведывательно-диверсионный отряд, в составе которого отправляется в леса Карельского перешейка. На войне проявил себя как умелый и храбрый боец, достойный награждения правительственной наградой. Вот собственно и всё, что можно сказать, закончил свой доклад Круглов.

Ты представляешь, что сейчас, когда в печати прославляют нашу победу над финнами, эта компания выявила у нас столько недостатков, что многое придётся ломать и начинать строить всё заново. Снова всё заново! А с кем? С политическими горлопанам, умеющими красиво выступать на митингах и говорить речи на собраниях? А нам надо чтобы люди работали до солёного пота, совсем не жалея себя. Для поднятия боеготовности нашей армии на самый высокий уровень, нам уже сегодня не хватает молодых энергичных людей, способных, если нужно, свернуть горы или погибнуть! Сам знаешь, что мы хотим воссоздать разведку, своими действиями эффективно разящую врага, способную снабжать нас и Генеральный Штаб ценными разведданными о противнике, причём любом противнике, кем бы он ни был. А этот наш герой Горский, какой опять *молодэц*! Убежал – раз! Повезло, не повезло, но ведь не поймали – факт! Добрался до города, причём нелегально – два! Записался на войну – три! Куда только смотрели наши работнички из милиции и военных комиссариатов? Нет, ты понимаешь, как плохо у нас ещё система работает? опять явно чувствовавшейся симпатией в голосе, произнёс последние предложения Нарком.

Лаврентий Павлович! Тогда в Ленинграде тысячи молодых людей, желающих бить белофиннов, атаковали военкоматы и райкомы. Сопляки школьного возраста, так те вообще валом валили на призывные пункты. Студенты, гордость города, все образованные, здоровые, сильные и спортивные, прямо суворовские чудо-богатыри, тоже завалили свои деканаты заявлениями. И все желают бить врага! Наши студенты – это же будущие командиры Армии и Флота! Но ВЫ товарищ Нарком, правильно сказали – наши выпускники спецшкол отлично подготов-

лены, причём разнопланово. И это действительно радует! В защиту этого парня говорит ещё один факт – будучи в окружении он не сдаётся в плен, как сделали некоторые трусливые бойцы и командиры, а продолжает воевать. А ведь мог бы спокойно сдаться, а после остаться у них, отвечает Круглов.

Да Сергей, я соглашусь с тобой – и тут ты прав. Кстати ты знаешь, сколько наших оказалось в плену у чухонцев? спросил своего подчинённого Нарком.

Знаю! Более 5000 человек – если быть совсем точным, то 5468 человек! Из них 99 человек изъявили желание не возвращаться в СССР! хмуро ответил кадровик, потом к своим словам зло добавил: Мерзавцы!

Круглов продолжил говорить:

Оказавшись в окружении, Горский с бойцами, под руководством пробившегося сквозь вражеское кольцо, Армейского комиссара I-го ранга Л.З.Мехлиса, про которого ещё с гражданской войны, говорят, что ему "сам чёрт не брат", идут в атаку на финские пулемёты и побеждают!

А ты Сергей знаешь, скольких командиров этот "Госпартконтроль" там шлёпнул лично, без суда и следствия? Не знаешь? Потом, при случае, я тебе расскажу. Удивительно, что этот Мэхлис поверил нашему человеку, да, я подчёркиваю – нашему человеку! Более того, он за него поручился! И если уж на то пошло, то я, как коммунист и депутат, тоже готов поручиться за этого молодого чекиста! Это ничего, что он ошибся, побывал в лапах "оффензивы" и остался жив. И от наших дознавателей ему тоже сильно досталось. *Интерэсно*, а где сейчас может быть этот Горский? поделился своим намерением Лаврентий Павлович и задал кадровику ещё один вопрос, к ответу на который Комиссар ГБ III-го ранга Круглов был готов. Круглов открыл в своей папке нужную закладку, произнёс: После окончания боевых действий отряд добровольцев был расформирован, все студенты были отправлены в Ленинград для продолжения учёбы. Боец специального отряда Горский В.В. при повторной встрече с Армейским Комиссаром I-го ранга Мехлисом Л.З. обратился к нему, как Заместителю Народного Комиссара обороны, Начальнику Главного Политического Управления РККА и Депутату Верховного Совета СССР с просьбой помочь разобраться в его деле. До полного выяснения всех обстоятельств по делу и принятия окончательного решения бывший сотрудник Горский был отправлен в Петрозаводск, затем в Южский спецлагерь N165, расположенный в Ивановской области... Тот самый лагерь, который по Вашему распоряжению, изначально готовили для содержания финских военнопленных. Теперь в нём проходят проверку бойцы и командиры, находившиеся в плену у белофиннов. С двадцатых чисел месяца в лагере проводится фильтрация и необходимая специальная проверка, на выявление предателей и завербованных агентов вражеских спецслужб.

Сергей, поправь меня, если я ошибаюсь – лагерь сейчас курирует Блинов? проверяя свою память, спрашивает кадровика хозяин кабинета.

Так точно, товарищ Нарком! Начальник УНКВД по Ивановской области капитан ГБ Блинов Александр Сергеевич. Начальником лагеря является младший лейтенант ГБ Александр Филатьевич Кий, Круглов подтверждает слова своего шефа.

Поступим так – ты свяжись с Блиновым, чтобы он дело Горского взял на личный контроль и долго в лагере парня не мариновал. Он кто у нас был по званию? Сержант ГБ? Так? и, получив подтверждение от кадровика, продолжил отдавать распоряжения: Этого сержанта надо *быстренко* отправить куда-нибудь в войска, чтобы занимался настоящим делом! Ты, как человек, который сидит на кадрах, загрузи работой этого молодца. В работе за кордоном использовать Горского временно воздержимся.

Комиссар ГБ I-го ранга и глава НКВД поднялся со своего рабочего места, тем самым давая понять, что разговор окончен, вышел из-за стола, поднял руки к затылку, несколько раз повращал телом, потянулся, разминая затёкшие мышцы и напоследок произнёс:

Засиделись мы с тобой сегодня. За делами уже и день прошёл. Завтра зайди в приёмную, начальник секретариата Мамулов отдаст тебе моё поручительство за этого человека. Надо приобщить его к личному делу Горского. Я ему верю! Всё Сергей, больше я тебя не задерживаю – иди...

Глава 3. Возвращение

Середина весны со своим теплом добралась и до Ивановской области, где ещё в конце декабря, на базе колонии для малолетних преступников был организован Южский лагерь НКВД специального назначения N165.

Неподалёку от лагеря, среди лесов и болот, вдоль плохонькой дороги на станцию, раскинула свои убогие домишки деревня Талицы. Лагерь спешно готовили для, предполагаемых в будущем, финских военнопленных, но в ходе вооружённого конфликта на Карельском перешейке и в заполярной тундре, который закончился 12 марта 1940 года, достаточного количества пленных не набрали. Финские солдаты упорно не хотели сдаваться и до последнего дня конфликта продолжали упорно сражаться против частей РККА, превосходящих числом и техникой армию Финляндии. А вот бойцов и командиров, которые вернулись на Родину из финского плена, набралось более пяти тысяч человек, многие из которых были ранены, обморожены и сломлены морально. Только командиров в звании от младшего лейтенанта до майора попало в плен 314 человек. Ко всему прочему следовало добавить, что финская разведка была не самой плохой в Европе и её сотрудники с первого дня вели подрывную работу в лагерях военнопленных среди беделог, попавших к ним за колючую проволоку. Умелая психологическая обработка пленных принесла свои плоды – определённое количество людей, подписав бумаги о добровольном сотрудничестве, дало согласие на свою вербовку, некоторые, за кусок хлеба и миску супа активно сотрудничали с администрацией лагеря, донося на своих товарищей по несчастью, невозвращенцев, из числа пленных, тоже было до безобразия много. Лагерь располагался в 47 километрах от ж/д станции Вязники, как нельзя лучше подошёл для тщательной проверки всего контингента бывших военнопленных и для выявления людей, вставших в плену на путь предательства, или завербованных финской разведкой, способных под видом бывших пленных легализоваться на территории СССР. Проверку планировалось провести в самые кратчайшие сроки – не более трёх-четырёх месяцев. После подписания мирного договора между СССР и Финляндией, со всех территорий, где ещё недавно шли военные действия, после обмена пленными, сюда стали свозить бывших бойцов и командиров. Всех прибывших сразу же отводили в баню и выдавали ношенную военную форму без знаков различия. Людям объявили, что их содержание в фильтрационном лагере есть временная мера – после тягот плена, всех без исключения надо немного подлечить, подкормить, обследовать в госпитале, подвергнуть санитарно-эпидемиологической обработке и, после выполнения этих мероприятий, отправить назад в их воинские части или отпустить домой. Госпитали для бывших пленных открыли непосредственно в Вязниках и в Коврове. Более пятисот человек больных, раненых и обмороженных быстро заполнили оба госпиталя. Специальный лагерь состоял из нескольких двух этажных деревянных бараков, в каждом из которых разместили от 200 до 400 человек, весь периметр огорожен столбами с колючей проволокой и вышками с часовыми-наблюдателями наверху. Через всю территорию проходит линия радиофикации, вдоль бараков установлены фонари освещения. Окна в бараках открывать запрещено, как и было запрещено до окончания проверки писать письма родным и близким. Работает клуб и библиотека, но быт ещё организован очень плохо...

После окончания войны наш отряд расформировали, командиры уехали к новому месту службы, бойцов срочной службы распределили по воинским частям, а все наши студенты поехали домой зубрить лекции и готовиться сдавать экзамены летней сессии. Откровенно говоря, после моего разговора с Мехлисом, никто не знал, как со мной поступить.

С одной стороны беглый зек, которому были предъявлены обвинения в измене Родине и шпионаже в пользу другого государства, а с другой стороны, боец специального разведывательного подразделения, многократно бывавший с ответственными заданиями за линией фронта,

позднее попавший в окружение и с боем пробившийся к нашим частям. Товарищ Армейский комиссар I-го ранга Мехлис, волей судьбы также попавший в тот переплёт, участвовал в прорыве, личным примером возглавил атаку и шёл вместе со всеми бойцами на финские пулемёты. Всё время я находился, можно сказать, на глазах у Льва Захаровича, по крайней мере, мы сидели в одном окопе, и он меня запомнил... Позднее у нас состоялась ещё одна встреча, на которой я без утайки рассказал ему свою "историю".

Старый большевик, ещё в Гражданскую войну, не раз смотревший смерти в лицо, мне поверил и пообещал помочь разобраться в моём деле. В начале апреля меня переодели в гражданскую одежду и вместе с сопровождающим, так же одетым в гражданскую одежду, отправили в Петрозаводск. В городе я временно стал "жить" на одной из конспиративных квартир, используемых для встречи с агентами и извёл горы писчей бумаги, заполняя различные анкеты и подробно описывая свои "приключения", начиная со дня моего перехода границы с Польшей, летом 1939 года...

Затем по распоряжению одного из руководителей УНКВД я неожиданно был посажен в эшелон с бывшими нашими военнопленными и отправлен в фильтрационный лагерь НКВД... Ночью 25 апреля 1940 года эшелон прибыл на какую-то ж/д станцию, расположенную среди елей и сосен леса. Состав остановился. В темноте удалось прочитать название – Вязники. Среди деревьев и нескольких веток рельсовых путей, даже в ночной темноте можно было разглядеть, что снега за зиму навалило много и, на сегодняшний день, он ещё не везде растаял. Несколько десятков грузовиков с закрытыми кузовами длинной змеей выстроились совсем близко от путей, находившиеся рядом бойцы конвойной роты плотным кольцом окружили прибывший эшелон. Злобное ворчание сторожевых собак, блеск примкнутых к новеньким самозарядкам плоских штыков, грозные крики охранников и громкие команды сразу же спустили с небес на землю вышедших из вагонов бывших пленных. Мы стояли на улице, глубоко вдыхая и выдыхая прохладный свежий воздух, после вагонного сидения, давая лёгким продышаться. Один из старших командиров, встречающих эшелон, начал нам говорить "приветственную" речь, из которой следовало, что в фильтрационном лагере действует Устав РККА, но свобода на время проверки будет временно ограничена. Сама проверка может занять несколько месяцев. Далее говорящий особо подчеркнул, что такой "приём" это вынужденная мера, которую товарищам командирам и бойцам надо понять и перенести. В конце своей речи он пожелал всем успешно пройти эту проверку.

Всем поставить свои вещи перед собой! Головы вниз! Смотреть в землю! Начинаем переключку... – привычно начали командовать охранники. В тишине громко звучат выкликаемые фамилии. Надо быстро ответить, затем, после разрешения, взять вещи, быстро пройти к грузовику и исчезнуть в темноте кузова. Охранники, будто заранее сговорившись, орут, торопя ослабленных людей забираться вовнутрь машин.

Сидящие с краю кузова нашего грузовика бойцы конвоя клапан брезентового тента наглухо закрывать не стали – по крайней мере, пока будут везти, можно нормально дышать. Плотно сидим на лавках из плохо оструганных досок, вокруг темень, слышится только частое дыхание или сопение соседей, временами раздаётся глухой кашель. Едем по разбитой грунтовой. Один из наших пробует разговорить охранников:

Товарищ...э, в темноте не вижу вашего звания, разрешите нам закурить?

Во время движения курить не положено! – сурово рявкает конвоир.

Тогда товарищ... скажи куда едем?

Какой я тебе товарищ? Имел в виду я таких друзей! он хотел ещё что-то сказать, но напарник его жёстко прервал словами: Петров, ты, что инструкцию не читал? При этапировании заключённых любые разговоры с ними запрещены! потом он просто добавил А если здесь ещё кто-нибудь хоть одно слово вякнет – получит прикладом в *ебальник*.

А разве мы заключённые? из глубины кузова раздаётся чей-то голос.

Молчать! громко рычит охранник по фамилии Петров.

Нет, ты ответь мне, кто здесь зек? С тобой капитан разговаривает!!! Ещё полчаса назад ваш старший всех нас называл товарищами. Значит, он врал? опять произнёс тот же голос.

Я сказал, всем молчать! упрямо повторяет конвоир.

Отстань от него Пётр. Они сами ничего не знают! Заладили одно и то же, как те попугаи! в темноте раздался хриплый голос сидящего рядом со мной мужчины средних лет, одетого в комсоставовскую форму, без знаков различия. Несколько секунд он молчал, потом негромко добавил фразу Попки и есть!

Скоро привезут! В лагере быстро разберутся, кто есть кто! А потом поедете дальше. Гы-гы! Тайгу валить или с тачкой летать! произносит знаток инструкций. Все, сидящие в кузове, услышали в последних словах конвоира плохо скрываемое злорадство.

Значит опять колючка, вышки и злые собаки. Что это за лагерь такой, где начальство говорит зекам слово товарищ? И зачем здесь я? такие мысли лезли в мою голову.

Примерно через час колона прибыла на место. Машины завезли нас на территорию лагеря, огороженную по периметру колючей проволокой. Потом всех выгрузили, построили, провели переключку и разместили в большом старом сарае с символической надписью "Карантин" над входом. Утром в армейских бачках принесли хилый завтрак, затем был проведён общий медицинский осмотр, после которого всех кого доктора сочли больными, увели в санитарный барак. Остальных разбили на взводы и роты, разместили в казармах и поочередно отправили в баню, выделив добрых полчаса помывки на взвод. В последующие дни в лагерь, большей частью ночами, грузовики с закрытыми кузовами несколько раз привозили для проверки всё новых и новых людей. К концу апреля число людей, подлежащих проверке, достигло более 4000 человек. Всех прибывших в течение нескольких дней разместили по казармам, и началась обычная лагерная жизнь.

В пятницу, 29 апреля, после обеда, меня вызвали в здание Администрации лагеря на "беседу" с сотрудником лагерной оперативной части. В кабинете, куда я вошёл после полученного разрешения, за письменным столом сидел невысокий крепыш в форме младшего лейтенанта ГБ с тремя рубиновыми кубиками в петличках форменной рубахи, сшитой из коверкотовой ткани. Сотрудник что-то писал на листе бумаги несколько минут, не обращая на меня совершенно никакого внимания. "Младшак" закончил писать, убрал лист в ящик стола, перьевую ручку положил возле чернильницы, затем поднял на меня свои белесые глаза и стал пристально смотреть мне в лицо, сосредоточив свой взгляд на моих глазах.

Ну что же, давай поиграем в гляделки, подумал я и стал, не мигая, смотреть прямо в его глаза. Посмотрим, кто кого переглядит! Если ты, друг ситный, внимательно читал моё дело, то должен был "дотумкать" своей головой, что меня тоже учили как надо правильно играть в такие игры.

Несколько минут мы бодались, буравя глазами друг друга, затем опер отвёл свой взгляд в сторону, сосредоточив его на своей перьевой ручке. Хозяин кабинета, продолжая сидеть, поздоровался со мной и попросил меня представиться.

Боец специального разведывательно-диверсионного отряда Горский, прибыл по Вашему распоряжению! решил ничего не изобретать с приветствием и представился по-армейски просто.

Как вас по имени-отчеству? спрашивает крепыш, показывая своей рукой на табурет, жестом давая понять, что он мне разрешает не стоять на ногах, а присесть.

Спасибо, безразлично произношу, потом называю себя: Горский Владимир Владиславович, и начинаю снова смотреть на большой портрет Наркома, висящий на стене прямо над рабочим местом опера.

Я – младший лейтенант Государственной Безопасности Пухов. Вызвал вас для знакомства, крепыш называет себя. Затем он объясняет зачем вызвал меня к себе в кабинет и сразу же задаёт вопрос: Почему вы в гражданской одежде?

Маскировочный халат и форму спецпошива забрали перед отправкой в Петрозаводск. Взамен выдали эту одежду и обувь, отвечаю на первый вопрос.

И как вам здесь у нас? Какие-нибудь просьбы или вопросы есть? звучит новый вопрос.

Руки не вязали, не били, собаками не травили, в баню сводили, кормят, зарядка по утрам, книги выдают, радио марши играет – одним словом, терпимо! Просьб нет, медленно отвечаю на вопрос.

Пухов внимательно смотрит на меня и молчит, видимо, изучает, что за человек сидит перед ним, потом спрашивает:

А вопросы? Вы не ответили мне – есть ли у вас какие-нибудь вопросы? Обычно у людей находящихся на проверке возникает масса просьб и вопросов – например, у всех просьба написать письма своим родным и близким о том, что остался в живых. А Вам, что не о чем меня попросить или спросить?

Писать письма мне совершенно некому. Родителей давно нет в живых – умерли от тифа. А мой родной дед, который меня воспитал, умер, когда я проходил обучение в ШОН. Меня никто не ждёт. Насчёт вопросов, то их нет. Или почти нет, отвечаю на вопросы Пухова, потом задаю ему свой вопрос:

Разрешите ВАС спросить?

Да, разрешаю – спрашивайте! – разрешает опер.

В каком статусе я здесь нахожусь и как мне ВАС называть? Гражданин начальник или товарищ младший лейтенант ГБ? прямым вопросом ставлю в тупик хозяина кабинета. Оперативный работник резко посмотрел на меня и, переходя на "ты", произносит: Как смеешь, наглец! Ты кто такой? Как попал в плен и где содержался?

"Ни хрена себе оборот! Этот надутый индюк точно не читал моё дело! За кого он меня принимает? Этот Пухов должен был отлично знать мой статус – статус беглого подследственного! В отличие от товарищей по несчастью, санкция на мой арест должна была быть выдана ещё осенью прошлого года. Или её нет? Меня тогда задержали на основании особых обстоятельств, связанных с возвращением территорий в состав СССР. Вероятнее всего, он действительно вызвал меня на предварительную беседу, а теперь немного растерялся от таких неожиданных вопросов и сейчас несёт полную ерунду!" в голове быстро несутся мысли. Глядя в глаза, хладнокровно отвечаю Пухову:

Извольте мне не тыкать! Это беседа или допрос? Если допрос, то больше мне добавить нечего! Я ранее всё рассказал и написал! В финском плену не был! Попал в окружение, из которого выходил с боем, вместе с товарищем Армейским Комиссаром I-го ранга товарищем Мехлисом. Сюда прибыл из Петрозаводска! Зачем не знаю! Моё звание – сержант ГБ и этого специального звания меня ещё никто не лишал! Здесь стучать ни на кого не буду!

Да я тебя... Под арест и в карцер! громко заорал Пухов, вскочил со стула и даже замахнулся рукой для удара, но почти сразу взял себя в руки и уже не громко, со сталью в голосе, произносит: Беседа окончена. Об этой провокации доложу начальнику лагеря. Пшёл вон отсюда!

Я поспешил быстро убраться из кабинета, вышел из здания и неспешно направился в свой барак, шуря от солнца глаза и подставляя своё лицо первым лучикам тепла. Пришёл в барак-казарму, немного помаялся, прокручивая в голове "всю нашу беседу" и её последствия для меня, потом сел с двумя товарищами играть самодельными картами в подкидного дурака, на кукареку. На работы нас пока не водили, а карты помогали коротать время и делали наш быт немного разнообразнее. Обычно в бильярд играют на деньги или на-кукареку. Бильярдный стол для проходящих проверку не предусмотрен, денег ни у кого не было, на вещи никто не играл, поэтому с азартом рубились в карты, чтобы проигравший своим петушиным криком потешил

и рассмешил всех присутствующих. Играли по десять партий подряд – кто больше всех проиграл, тот встаёт на табурет, машет руками и кричит три раза ку-ка-ре-ку! Было забавно!

Не успели мы сыграть пару партий, как меня, оторвав от игры, выдернули два бойца охраны и повели на гауптвахту, расположенную в подвальном помещении, где раньше располагался один из ледников для хранения продуктов. В карцер, где арестованному на сутки выдавали 300 грамм хлеба и кружку воды, меня "закрыли" на полные десять суток. Время потянулось предсказуемо однообразно и длинно... Конечно, мне было во многом легче перенести эти лишения, чем моим товарищам по лагерю, ослабленным предыдущим пребыванием в плену у финнов. Я не сдавался и чтобы быть в форме, вспоминал по памяти забытые со времён учёбы в школе тригонометрические функции, теоремы по геометрии, пытаюсь с помощью закрытых интегралов рисовать картины. Ночью, когда не спалось, вспоминал различные стихи поэтов серебряного века, заученные, когда то наизусть. Чтобы не замёрзнуть от холода приходилось мучать своё тело специальной гимнастикой, выполняя упражнения на растяжку и гибкость тела. Представля удивление бойца из караула, когда он в первый раз принёс мне пайку хлеба и воду. Парень немного оторопел, когда увидев, что заключённый в карцере стоит в неестественной позе, раскинув ноги в стороны намного шире, чем на ширину плеч, держа руки за спиной, согнув своё разгорячённое тело вперёд, делает наклоны вперёд и пытается достать губами, с пола медную пуговицу.

Наплевав на субординацию, он меня спросил:

Слышь, друг, а зачем ты так себя мучаешь? Ты, часом, сюда попал не из цирка или какого другова балдета?

Холодно здесь! Боюсь задубеть! отвечаю ему с долей шутки в интонации голоса, потом уже серьёзно добавляю: Это не балет, а специальная гимнастика, упражнения которой позволяют идеально владеть своим телом и быть ловким. Только не подумай, что хочу отсюда свинтить! Мне надо выйти из этого лагеря таким чистым, чтобы не одно гавн... одним словом, чтобы смог вернуться обратно в кадры.

А ещё сможешь что-нибудь интересное показать? неожиданно просит боец.

Да легко! Смотри и запоминай, сейчас покажу ещё одно упражнение, ложись всем телом на плотный земляной пол, потом делаю резкий подъём с помощью рук, в одно мгновение, рывком встаю на ноги и поясняю. Это когда противник ударил тебя и свалил на землю, а тебе надо быстро подняться на ноги.

Чего ещё посоветуешь? не отстаёт парень.

Ещё? Про отжимания на кулаках от земли слышал? Если слышал, тогда попробуй, сколько раз сможешь присесть и подняться сначала на одной ноге, затем на другой. Вторая нога вытянута вперёд. Для начала, чтобы не упасть, можешь придерживаться рукой за табурет или стул. В идеале это упражнение выполняется без помощи рук. Вот, как то так... после слов, раскидываю руки в стороны и несколько раз приседаю на одной ноге, другая вытянута вперёд. Показываю любознательному бойцу как правильно надо выполнять это упражнение.

Спасибо за науку! Буду пробовать, произносит служивый, выходит из камеры, затворяя за собой оббитую жестью дверь. Ночью этот боец открыл дверь в мою камеру и, ни слова не говоря, кинул на пол карцера чью-то сильно заношенную шинель...

На третий день моего пребывания под арестом с раннего утра стало слышно, как уличные репродукторы передают бравурные праздничные марши, затем стали передавать трансляцию с Красной площади о Первомайском параде. Неожиданно загремел дверной засов моей камеры и дверь открылась. На пороге стоял сержант и два красноармейца из караульной роты с винтовками в руках.

Арестованный Горский, с вещами на выход! произносит боец с сержантскими треугольниками на петлицах, очевидно старший или начальник караула.

Давай шевелись! сержант дублирует своё распоряжение.

Интересно, что ещё придумали эти... проверяльщики? это было первое, о чём я подумал, вставая из-за камерного столика.

Куда ведёте? шагая по небольшому коридору, тихо спрашиваю сопровождающих меня конвойных.

Отставить разговоры! громко произносит боец, тот, который и дёт сзади и прикладывает меня прикладом винтовки в спину, так сильно, что ещё задавать вопросы, пропало желание.

Шли недолго. Меня доставили в знакомое здание управления лагеря, вместе с конвойными поднялся на второй этаж, немного прошли по коридору, у кабинета N 01 за спиной звучит команда – "Стой! Руки за голову! Встать лицом к стене!". После этих слов конвоир опять ощутимо чем-то ткнул меня в спину. Стою, держу руки за шей, немного поворачиваю голову в сторону так, чтобы можно было разглядеть лицо конвоира, которому нравится раздавать людям подленькие удары и тычки. Узнал – это тот самый "друг", который встречал нас с поезда и ехал с нами в кузове грузовика. Он ещё предсказал, что все мы в скором времени поедем валить тайгу. Прежде чем пройти в начальственный кабинет успеваю тихо прошептать:

А ты, "попка", ничего не попутал? Не зеков водишь! Можешь и ответить... При случае...

Молчать! Ещё слово и вреж... конвойный начинает говорить, но на полуслове умолкает, потому что его напарник успел доложить, что арестованный доставлен, прозвучит громкое слово "Вводите!" и уже надо вводить меня вовнутрь кабинета. Дверь открылась и я, получив в спину очередной тычок, буквально влетаю в большой светлый кабинет, едва не сбив на входе мужчину лет тридцати или чуть больше, в форме сотрудника НКВД, с эмблемой органов на рукавах рубахи. В малиновых петлицах всего по три кубика – всего младший лейтенант ГБ!

Неужели меня привели к самому начальнику лагеря Кий? пытаюсь угадать, к кому меня привели.

Проходите! Ваше имя Горский Владимир Вячеславович? спрашивает меня хозяин лагеря, предварительно разрешив войти в свой кабинет.

Так точно! отвечаю.

Меня зовут Александр Филатьевич, я начальник этого лагеря представляется младший лейтенант, затем протягивает мне свою руку для рукопожатия. Если честно, то от такого начальственного панибратства я немного растерялся! Представляю, как удивились оба моих конвоира, стоящих со своими винтовками у меня с обоих боков. Делаю шаг вперёд и крепко жму протянутую руку.

Конвой свободен! Можете идти в распоряжение, вспоминает начлаг и отпускает бойцов.

Бойцы спешно уходят, и мы остаёмся в кабинете одни. Младший лейтенант подходит к своему рабочему месту, берёт со стола несколько листов бумаги и начинает читать:

Товарищ Горский! Наши Органы разобрались в вашем непростом, я бы даже сказал, сильно запутанном деле. Все следственные действия в отношении ВАС прекращены. Вы свободны! Перед нашей Родиной Вы ни в чём не виноваты! Так считает товарищ Нарком НКВД, комиссар ГБ I-го ранга Лаврентий Павлович Берия и лично за ВАС ручается, как коммунист и Депутат Верховного Совета СССР! Я тоже искренне рад! громко зачитывает мне строки реабилитационной бумаги начальник лагеря. Этими словами он меня буквально ошарашил – из глаз невольно брызнули солёные слёзы радости и я, закрыв ладонями лицо, не в силах сдержаться, начал громко плакать...

Младший лейтенант подошёл к столу, на котором помимо нескольких телефонных аппаратов, лампы, письменных принадлежностей, бумаг и папок на подносе стоял графин с водой с тремя гранёными стаканами. Он взял графин и в один из стаканов налил почти по край воды.

Вот выпейте воды! Будет легче! с этими словами Кий протянул мне стакан, который я взял из его руки и стал пить, от волнения немного расплёскивая капли воды себе на грудь.

Вас восстановят в прежней должности, вернут специальное звание сотрудника ГБ, время, проведённое под следствием, будет зачтено в срок службы. По личному ходатайству Армей-

ского комиссара I-го ранга Мехлиса Льва Захаровича, за бои на Карельском перешейке, Вы представлены к награждению правительственной наградой. Для устройства личных дел и поправки здоровья Вам предоставляется отпуск, сроком один месяц, с поездкой в лечебно-оздоровительный санаторий для сотрудников НКВД под Ленинградом. Там, на берегу Финского залива, пройдёте, полный курс реабилитации и восстановите силы. После отпуска дальнейшее прохождение Вашей службы будут решать в ОК УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области, продолжал меня удивлять Александр Филатьевич.

Да, совсем забыл сказать – придётся дать подписку о неразглашении. Так положено! сказал, как отрезал, начлаг.

Я немного успокоился, вытер "сопли", стоял и слушал, что мне зачитывает и говорит этот, ещё не старый, но уже много повидавший на своём веку чекист, не в силах до конца поверить, что в этой жизни мне во второй раз сильно повезло!

Не могу поверить! Спасибо ВАМ товарищ начальник лагеря... Я оправдаю! преодолевая своё волнение, ещё всхлипывая, бормотал я и благодарил начальника, совершенно забыв о субординации.

Да меня то благодарить за что? Я тут совершенно не причём. Это нашего Наркома надо благодарить! Мехлису надо спасибо говорить, что выслушал, поверил и потом не забыл замолвить за тебя словечко. Судьбу надо благодарить! отвечает Кий.

А как же теперь мне быть? Я ведь нахожусь под арестом на "губе" и сидеть мне ещё неделю, спрашиваю начальника лагеря.

Я тебя туда упёк, я и отменяю твой арест, – быстро решает вопрос младший лейтенант, затем, продолжает говорить: Но если вы, дорогой мой друг, ещё будете вести себя несдержанно, нарушать уставные взаимоотношения между военнослужащими, то опять я буду вынужден опять в качестве наказания применить арест на гауптическую вахту лагеря. Был у меня один дикий случай – сейчас расскажу, Александр Филатьевич достаёт из кармана портсигар, раскрывает его, берёт папиросу, которую отправляет себе в рот, затем чиркнув спичкой о бок коробка с красивой этикеткой, прикуривает её. Курить будешь? Кий предлагает мне взять папироску.

Спасибо, я не курю, благодарю начлага и отказываюсь.

Так вот, продолжаю, выпустив в потолок табачный дым, он стал рассказывать свою историю. Не так давно, совсем вчистую, оправдали одного командира РККА, вернули звание и направили к новому месту службы. Этот командир, уже имея на руках билет на поезд, зашёл в вокзальный ресторан и решил немного перекусить. В зале он случайно встретил своего бывшего дознавателя, того самого, который помогал следователю вести его "дело", следовавшего с того же вокзала, в свой законный отпуск. Слово за слово и оба сцепились, в драке... Командир оказался злее и нанёс своему визави тяжкие телесные повреждения – сломал бедняге два ребра и порвал селезёнку. Был арестован и через месяц снова поехал в лагерь, но уже по "бакланке".

Я всё понял, товарищ младший лейтенант ГБ, но эта история не про меня! заверяю начальника. Александр Филатьевич кладёт окурок от папиросы в пепельницу, рукой разгоняет клубы сизого дыма и произносит: Теперь иди в столовку, скажешь повару, что я распорядился, чтобы покормил, потом пойдёшь в казарму за личными вещами, доложишь начальнику отряда, что покидаешь нас. После приходи в канцелярию, оформляй документы на освобождение – я распорядился, чтобы сегодня оформили все бумаги. Ну, что ещё тебе сказать на прощанье, товарищ Горский, – поздравляю с Праздником Первомая, желаю не озлобиться и всегда быть нормальным человеком! Вот тебе моя рука!

На прощанье сильно жму руку начальника, выхожу из кабинета, иду по коридору, спускаюсь по лестничным ступеням на первый этаж, оказываюсь на улице, делаю несколько шагов и замираю на месте и по-новому смотрю на окружающий меня мир.

Да здравствует СВОБОДА! радостно кричу и подбрасываю в небо свой кургузый пиджак...

Судьба других бойцов и командиров решилась позднее...

29 июля 1940 г. Спецсообщение Л. Берии на имя И.Сталина (сов.секретно):

"В Южском лагере оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, изобличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР. Из этого числа закончено следственных дел на 344 чел. Приговорены к расстрелу 232 чел. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 чел. НКВД СССР считает необходимым в отношении остальных военнопленных, содержащихся в Южском лагере, провести следующие мероприятия:

1. Арестовать дополнительно и предать суду Военной коллегии Верховного суда СССР – 250 человек, изобличенных в предательской работе.

2. Бывших военнопленных в числе 4354 человек, на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, – решением особого совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет.

3. Бывших военнопленных в количестве 450 человек, попавших в плен, будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, – освободить и передать в распоряжение наркомата обороны.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л.Берия

Глава 4. Начало вторжения

Части 4-ой Армии Вермахта были переброшены из Франции сначала под Варшаву, а в начале марта 1940 года на западную границу с СССР. 1010-й полк ранее входил в состав 14-й пехотной дивизии, но по прибытии на новое место дислокации его влили в состав 18-ой моторизованной бригады 18-й танковой дивизии.

Дивизией командовал генерал-майор Вальтер Неринг, участник боёв на Русском фронте в I-ю Мировую войну. Полк был опытным, вновь образованным и в боевых действиях ещё не участвовал, хотя в его составе хватало офицеров и солдат, принявших участие в компаниях 1939 и 1940 гг. и получивших в них достаточный боевой опыт.

Издавна в немецкой армии была принята практика, что солдат совершенно не должен иметь времени на раздумья, а должен постоянно быть занят тренировками, строевыми занятиями на плацу, марш-бросками по пересечённой местности на длинные расстояния, с полной выкладкой и боеприпасами, причём через рвы и канавы, попадающиеся на пути следования, форсированием водных преград. Подавляющее большинство офицеров полка считало такие занятия отличным средством от всякой ерунды, постоянно лезущей в головы солдат. Правда, здесь на границе, занятия с личным составом в полном объёме проводить было не реально...

Лето в этом году выдалось очень жарким. С начала июня 1941 года все подразделения полка скрытно разместились в летних лагерях, тщательно замаскировали свои палаточные городки и технику в лесистой местности и старались лишний раз себя не обнаруживать, потому что советская разведка не дремлет. Не так давно в километре от лагеря нашли себе "приют" пионерные части, проще сказать, подразделения инженерно-сапёрного полка. Неподалёку от лагеря, петляя, несла свои воды большая река Западный Буг. Делать было нечего – о какой муштре может идти речь в лесу, но командиры подразделений всё равно умудрялись проводить различные занятия и тренировки. Несколько раз солдат поднимали ночью по тревоге, и они совершали изнуряющие многокилометровые марш переходы, неся на себе оружие и боеприпасы. В другой раз всех подняли рано утром и, после выматывающей пробежки со всей амуницией, оружием и усиленным запасом патронов, заставили форсировать вплавь водную преграду в виде лесного озера. Командир полка с офицерами в очередной раз проверяли выносливость своих солдат к преодолению различных трудностей и взаимодействие с другими подразделениями полка. На том же озере солдаты учились быстро и правильно размещаться в большие и малые десантные резиновые лодки, как и сколько, помимо личного состава, на них можно перевезти единиц вооружения, боеприпасов и другого штатного имущества подразделения, заканчивая полевой кухней. Дошло даже до того, что некоторых солдат пришлось учить плавать и держаться на воде. Невозможность проводить строевые занятия офицеры компенсировали занятиями на стрельбище, где никогда не экономили на патронах и доскональным изучением всего штатного вооружения подразделения.

Отработка навыков обращения с оружием давала свои положительные результаты – любой солдат мог с закрытыми глазами разобрать и собрать свою винтовку или пистолет-пулемёт. Как ни странно, но такое не простое упражнение переняли у русских, когда в сентябре 1939 года в Бресте танки обоих государств стояли друг напротив друга, а индейский топор войны был глубоко зарыт в землю. Был совместный парад, праздничный обед, концерт с плясками и песнями под гармошку и аккордеон, дружеские соревнования по борьбе и армейскому многоборью, а так же показательные выступления стрелков.

Здесь в полевых лагерях начальство сквозь пальцы смотрело на свободных от службы солдат, некоторые из которых могли себе позволить свободно разгуливать по расположению лагеря, с расстёгнутыми пуговицами и подвёрнутыми до локтей рукавами кителя. Отдельные нахалы, наплевав на дисциплину, позволяли себе шляться только в одних трусах, в обуви и

пилотке лихо сидевшей на макушке головы. Некоторые индивидуумы предпочли побрить свои волосы наголо, мотивируя своё решение тем, чтобы голова не потела от жары. Но, не смотря на такую внешнюю вольницу, дисциплина в полку строго соблюдалась и ничего лишнего в глаза не бросалось.

Вечерами перед отбоем, когда всем выдавали желудёвый кофейный напиток, солдаты каждого отделения, свободные от нарядов и караулов, собирались у своих палаток и сидя на траве, курили, приводили в порядок униформу, делились последними новостями из дома, писали письма на родину, обсуждали, что делается в полку. Молодые солдаты старались подсесть поближе к старослужащим ветеранам, уже достаточно потянувшим солдатскую лямку и понюхавшим пороха в нескольких компаниях Вермахта, чтобы послушать различные истории и байки из жизни полка...

Помню, как на соревнованиях стрелков русские солдаты продемонстрировали нашей делегации, что стрелковая подготовка в их армии находится на самом должном уровне. Вот и "папаша Франц" не даст мне соврать и подтвердит, что я говорю правду. Тогда, мы все видели как русский стрелок из своего смешного пулемёта, с нелепой круглой крышкой патронного диска над стволом, одной очередью, на ростовой мишени, пулями смог нарисовать сердечко. Франц, подтверди мои слова, что так всё и было, рассказывал своим сослуживцам один из солдат, пуская в вечерний воздух дым от сигареты.

Командиром отделения был Франц Келлер, высокий, широкоплечий силач, своей статью напоминающий циркового борца, всегда с курительной трубкой во рту, неторопливый в движениях и хладнокровный унтер-фельдфебель, за воинское мастерство, умение и расчётливость, уважаемый сослуживцами. "Папаша Франц" уже давно служил в Вермахте и считался старослужащим. Таких солдат называют "zwolfender" – отслуживший в армии более 12 лет, среди общей массы солдат такого бойца можно отличить по голубым ленточкам медалей, с миниатюрными имперскими орлами сверху, за выслугу лет, нашитыми над левым карманом кителя. Келлер, попыхивая табачным дымом из своей трубки, кивком головы подтвердил слова рассказчика и дополнил рассказ:

Ты забыл рассказать, что кто-то из наших парней предложил "ивану" проделать подобное из "MG-34". Светловолосый русский парень в ладно пригнанной по фигуре униформе, на воротнике петлицы зелёного цвета со странными математическими фигурками тёмно-красного цвета и эмблемой рода войск снял свою фуражку с зелёным верхом, передал её кому то из своих товарищей, ничуть не смущаясь, взял в руки нашу "молотилку". Русский быстро разобрался с прицельной планкой, передёрнул затворный механизм и принял стойку для стрельбы. Да! Он не стал ложиться на землю, а приготовился вести огонь из положения стоя – одна рука держит MG за упорную сошку, а другая держит рукоятку, указательный палец на спусковом крючке. Все наши скептически начали улыбаться, ведь любому новобранцу известно, что в нашем Вермахте, во время стрельбы, ручной пулемёт на весу держать запрещено, т.к. это прямое нарушение пунктов наставления по его использованию. "Иван" начал бить короткими очередями и его пули выбили на мишени правильный круг, который стрелок затем перечеркнул ровным крестом. Мы видели как пробойны от пуль ровными линиями легли сначала по вертикали, потом по горизонтали. Но стрелку этого было мало – он перенёс огонь на соседнюю мишень, на которой быстро выбил пулями перевёрнутую на бок восьмёрку или, как кто-то из наших умников восхищённо сказал, "бесконечность"! Это действительно было фантастично! Я ведь не вру? А парни?

Да Франц, всё было именно так, как ты говоришь, подтвердил сказанное солдат отделения по имени Вилли и дополнил рассказ товарища:

Тогда даже наш командир роты, всегда строгий и вечно чем-то не довольный гауптман Гофман, и тот восхищённо улыбнулся, затем произнёс слова: "Интересно, откуда этот стрелок в совершенстве знает наше оружие и умеет так виртуозно из него стрелять?"

Докурив свою трубочку и не убирая её в карман кителя, унтер-фельдфебель неожиданно прервал рассказчика:

А помнишь, Вилли, как другой их командир с кубиками на петлицах показал всем присутствующим, как надо вести точный огонь сразу из двух револьверов одновременно. Этот советский поразил все мишени сначала из обычной стойки, а затем во время движения. Я прослужил уже немало лет, но хочу сказать, что в нашем вымуштрованном Вермахте мало кто из офицеров умеет так владеть своим личным оружием. По крайней мере, мне таких умельцев пока видеть не пришлось.

Несколько минут солдаты молчали, всецело отдавшись своим делам, пока Герман не убрал в наружный карман кителя, написанное письмо домой и не нарушил общее молчание, вспомнив случай, который произошёл не так давно на занятиях по рукопашному бою, которые проводил молоденький лейтенант Отто Рейн.

Тогда на занятия взвода неожиданно пришёл посмотреть командир батальона, сам майор Георг Реймер, которого за глаза все называли "наш Старик". Батальонный командир воевал на русском фронте ещё в Первую Великую войну, несколько раз был ранен, награждён знаком за ранения и Железными Крестами I-го и II-го класса, пару лет назад был снова призван на военную службу из запаса. Майор тихо подошёл к месту занятий, встал за дерево, показал молодому солдату кулак в чёрной кожаной перчатке, собравшемуся открыть было рот о приходе начальника, затем поднёс к своим губам указательный палец, показывая, чтобы тот молчал как рыба. Не вмешиваясь в процесс обучения, он стал наблюдать как солдаты своими карабинами 98k, с примкнутыми штыками в ножнах, наносят друг другу штыковые удары. Достаточно понаблюдав за учёбой взвода, "Старик" проявил себя негромким покашливанием, затем вышел из-за дерева. Лейтенант тут же бегом подбежал к старшему офицеру и начал рапортовать, что его взвод проводит... и замолчал на полуслове, увидев, как майор небрежно махнул рукой, тем самым дав понять подчинённому, что доклад не нужен. Оглядев с ног до головы, взмокших от пота солдат, майор отдал распоряжение снять со штыков ножны и впредь проводить занятия только так, поясняя командиру взвода, что надо приучать солдат не бояться вида острого лезвия штыка перед своим лицом. Далее майор распорядился включить в обучение упражнения с использованием малой сапёрной лопатки, как оружие ближнего боя, с тщательной отработкой ударов. Он так и сказал:

Лейтенант, отдайте распоряжение продолжать занятия, а мы с вами отойдём в сторону и немного поговорим.

Взвод! Ножны со штыков снять и продолжать занятия! скомандовал лейтенант, потом офицеры отошли на несколько метров от площадки с тренирующимися солдатами и стали разговаривать.

Вам известно, что при соответствующем навыке острозаточенное лезвие лопатки является смертельно убийственным оружием ближнего боя? Поэтому на занятиях нам надо отрабатывать колюще-рубящие удары снизу, сверху, сбоку и по кругу, а так же защиту от таких ударов. А если ваши подчинённые научатся метать лопатку, так чтобы лезвие попадало хотя бы в ствол дерева, как это делают русские мужички, то считайте, что в реальном рукопашном бою половина из них, может быть, останется жить! начал дружеский разговор командир батальона.

Отто, Вы верите мне? спросил майор Реймер смущённого Рейна.

Так точно, господин майор! Я вам верю! быстро отрапортовал лейтенант.

Поверьте "старик". В прошлую войну "иваны" очень активно использовали этот шанцевый инструмент для своей защиты и в ближнем бою. Когда их солдаты шли в наступление, то свои лопатки они крепили за ремень, так чтобы плоское лезвие смогло прикрыть от пули, часть живота. Думаю, что русские солдаты и теперь не забыли, как надо умело обращаться с сапёрной лопаткой в ближнем бою, командир батальона собрался уже закончить свой рассказ, но решил ещё поучить молодого лейтенанта и продолжил говорить. А ещё, дорогой мой

друг, было бы не лишним научить наших оболтусов, чтобы они умели защитить свои задницы от рубящих ударов казацкой сабли. Вы ведь окончили училище и прибыли в полк уже после Польской Компании? Так?

Так точно, господин майор! С поляками мне воевать не пришлось, зато я обходил линию Мажино и был в Париже! четким голосом произнёс лейтенант Рейн и, соблюдая субординацию, вытянулся по стойке смирно.

В одном из тех сентябрьских боёв brave польские уланы, все из себя такие красавцы, решили без разведки атаковать наши позиции развёрнутой конной лавой – это русское название атаки, и тут же попали под перекрёстный огонь наших "молотилок". Безумцы! Они почти все были скошены нашими пулемётчиками и остались лежать перед нашими траншеями. Кони, люди – все! Но нескольким смельчакам повезло добраться до наших позиций и устроить там крова... майор внезапно прервал свой рассказ, замолчал, взгляд его стал каким-то ледяным и суровым.

Разрешите сказать, господин майор? лейтенант опять вытянулся и щёлкнул каблуками щегольских сапог.

Разрешаю! И давай те на время оставим весь этот кордебалет с постоянным щёлканьем каблуками, ответил Рейну майор.

Нас учили в военном училище, что кавалерия – это уже вчерашний день! В современной войне лошади давно морально устарели и им отведена только роль тягловой силы в тыловых обозах. Танки, самолёты, подводные лодки, артиллерия и автоматическое оружие в ближнем бою – вот двигатель современной войны! Весь упор делается на самое передовое техническое оснащение Вермахта и Кригсмарине буквально на одном дыхании выпалил лейтенант.

"Старик" выслушал подчинённого, внимательно посмотрел Рейну в глаза, затем с ног до головы окинул молодого офицера оценивающим взглядом и произнёс:

Вы правы, мой юный друг! Я тоже сторонник всего нового и передового в нашей армии. Но знаете, я вам скажу, что русские не так давно вернули в штат казачьи кавалерийские части. В умелых руках это очень грозная сила! Совместно с танками такие части способны совершать длительные рейды по тылам противника. Конные разъезды мобильны и им не нужен бензин! Такие части без особых проблем преодолевают реки, поля, лесные массивы и другие препятствия. На городских улицах лошади тоже чувствуют себя прекрасно. Танки без своевременного подвоза горючего становятся мёртвым куском железа, для преодоления водных преград им нужны брод или понтонная переправа, а городская теснота улиц смертельна. Я уже не говорю о том, какие смертельные раны наносит умелый удар драгунской саблей или казачьей шашкой. Так что от лошадок, нам с вами пока ещё отказываться рановато.

Разрешите ещё вопрос, господин майор? строго по уставу обратился к командиру батальона, лейтенант.

Спрашивайте! был дан ответ.

Причём здесь русские? Разве мы в ближайшее время собираемся воевать с СССР? Между странами заключено соглашение о ненападении и сотрудничестве, сроком на пять лет, с недоумением в голосе спросил лейтенант Гофман.

Майор посмотрел на молодого офицера и не стал ему отвечать что-либо, а просто уклонился от ответа и произнёс:

Оставить вопросы! Продолжайте занятия со своим взводом! майор первым отдал младшему по званию офицеру честь, развернулся и отправился по своим делам...

Поговорив о делах полка, солдаты не заметили, как разговор плавно переключился на события последних месяцев в Рейхе или даже в мире...

Нет, Фюрер не будет воевать с Советами. У нас юридический Договор – Пакт, говоря языком дипломатов, который выгоден обоим нашим государствам! говорил солдатам бывший студент из Кёльна, а теперь стрелок Иоганн Майер.

Ага, Пакт! Тогда ты, как самый грамотный из нас во взводе, ответь – для чего нас всех собрали в этих заболоченных лесах и с конца мая месяца мы тут торчим? Куда ни кинь глазом, везде стоят то танкисты, то пионеры, артиллерию не так давно развернули. Я когда лежал с фурункулом в лазарете, сам видел, как везли мощные орудия дальнего боя. Спрашивается зачем, здесь на границе собрали столько армейских частей? спрашивал бывшего студента крестьянский сын Эрих Манн, до службы живший в небольшом селе под Гамбургом.

Деревенщина! Не кричи так громко! Я сейчас всем вам отвечу. Несколько дней назад меня послали отнести в штаб кое-какие бумаги и принести в роту другие бумаги. В ожидании мне удалось перекинуться парой слов и даже выкурить несколько сигарет со штабными бездельниками... Живут же люди! Майер замолчал, поправил на лице очки и мечтательно закатил свои глаза вверх.

А ты, очкарик, не очень-то здесь задавайся и не виляй своим хвостом! Раз начал, то говори! Тут все свои сидят... А про твои штабные шашни, нам знать ни к чему! не отставал от товарища Эрих.

Вот я вам и поясню, что разговаривал с денщиком господина полковника и он мне по секрету сказал, что Сталин согласился пропустить наши войска в Россию и предоставить Вермахту коридор, чтобы Фюрер смог внезапно ударить по Британским колониям в Индии и в Персии. Придумано просто гениально! А русские, на основании Пакта, нам помогут. Мы ведь союзники! бывший студент своей осведомлённостью буквально ошарашил всех присутствующих солдат.

А зачем нам идти в Персию или воевать в Индии? Это так далеко от границ Рейха. Помоему, ты говоришь полную ерунду! произнёс кто-то из старослужащих, с удовольствием посаывая свою трубочку и разгоняя рукой сизый табачный дым.

Да нет, не ерунда! А отвлекающий маневр! Нам надо отвлечь британцев, чтобы внезапно высадить на остров большой десант и начать вторжение. Я же говорю, что Фюрер всё гениально придумал! не сдавался Майер.

Парни, похоже, что этот очкастый умник не врёт! Слишком многое сходится, вступил в разговор разбитной обер-ефрейтор Дитрих, призванный в Вермахт из портового Киля. Дитрих недавно вернулся из очередного, положенного ему отпуска и уже успел всем порядком надоесть своими похабными рассказами о том, как он мило проводил время с портовыми красотками и за выпивкой. И это несмотря на то, что тема №1 всегда актуальна в любой армии мира! Другие старослужащие не стали затыкать ему рот и решили выслушать товарища, исключительно из уважения к его званию и годам выслуги, втайне завидуя похождениям этого гуляки и буяна.

Как вы знаете, я заслужил отпуск и отбыл к себе на родину, в милый моему сердцу город Киль. Побыл немного дома, повидал своих стариков и даже что-то помог сделать по хозяйству. А дальше решил, что отпускнику пора немного погулять на воле. Разве за короткие три недели отпуска солдат много успеет? начал рассказывать недавний отпускник...

Дитрих, мы уже по горло сыты твоими историями про шнапс и про баб! Ты говори по делу или заткнись! перебил рассказчика "папаша Франц", не выпуская изо рта свою дымящуюся трубочку.

Давай Герман, не тяни кота за яйца или тебе кроме как о своих похождениях нечего нам сказать? встрял в разговор ещё один из старослужащих Вальтер Ланге.

Да вы все сами не даёте мне раскрыть рта. Нервные все стали, какие то! Ну да ладно, продолжаю свой рассказ, причём без всяких амурных подробностей и лишних врак недавний отпускник выждал, пока все затихнут, и продолжил свой рассказ Тогда же, но на несколько дней раньше меня, в отпуск приехал мой давний друг – Роберт Вебер. По-уличному просто Роб, с которым мы вместе выросли вместе и посещали одну школу. Парень попал служить в Кригсмарине, сейчас имеет чин боцман-маата. Роб ходил в дальний поход на вспомогательном рейдере и о нём долго никто ничего не знал. А тут, бац, и он неожиданно заявляется домой!

На радостях мы с ним прошерстили почти все портовые кабачки и пивные, но это уже другая история...

Дитрих, последний раз предупреждаю – говори по делу или сейчас мы тебе точно накостыляем, "папаша Франц" грозно посмотрел на рассказчика. Ничуть не боясь угрозы, Дитрих оглядел своих товарищей по отделению, глубоко затянулся, набрав полные лёгкие дыма от сигареты, выпустил его и продолжил свой рассказ. – Однажды, за кружкой пива, Роб по большому секрету мне рассказал, где его так долго носило. Оказывается, около года назад парень побывал в России, вернее на самом русском севере, причём большевики сами провели их корабль своим Северным морским путём, далее их посудина отправилась на Тихий океан. Самое поразительное, что "иваны" под это дело выделили несколько ледоколов и даже предоставили своих опытных лоцманов. Всё сделано было в рамках договора, или как сказал умник и зазнайка Майер, на основании Пакта о дружбе. Во всех газетах писали, что их рейдер тогда наделал англосаксам много бед и в Тихом и Индийском океанах. Я думаю, что их королеве очень сильно икалось, когда старушка узнала, какой урон короне нанёс экипаж нашего славного рейдера. А моему другу Робу немного не повезло и повезло одновременно! Во время шторма его здорово приложило волной, так, что от удара сломалось несколько рёбер и у парня случилось сотрясение мозга. Вместе с призовыми судами, тоннами трофейных грузов и пленными, Роб отправили домой. Позднее, в госпитале, их самый главный адмирал, кажется Редер, лично вручил моему другу красивый знак "Члену экипажа вспомогательного крейсера", а уже после полного излечения Роб приехал в отпуск. Так что парни, похоже, нашему Ханесу штабные сказали правду, после своего рассказа Дитрих посмотрел на бывшего студента добрым взглядом и замолчал, углубившись в какие то свои мысли.

А мне без разницы, куда меня пошлют – прикажет Фюрер, поеду через всю Россию воевать хоть в Индию или в Персию, хоть к дьяволу в пасть, мне без разницы! – начал хорохориться Майер.

Куда прикажут, туда и пойдём воевать! Действительно становится понятно, почему русские ведут себя так спокойно, а ведь должны были догадаться, что здесь на границе собрано столько техники и войск. Такое скопление очень трудно скрыть от посторонних глаз и ушей. Есть же у них своя разведка, да и местные поляки нас не очень любят и бывает, что уходят на ту сторону реки. Помните, как мы только в этом месяце уже два раза поднимались по тревоге и помогали полиции отлавливать таких беглецов, не переставая пить свой кофейный напиток, закончил разговор невысокий крепыш по фамилии Хаусман.

После слов Хаусмана солдаты на какое-то время замолчали и углубились в свои дела – пили кофе, в очередной раз перечитывали письма из дома, дымили табаком, чинили униформу.

К чёрту эту политику! нарушил молчание "папаша Франц". Солдаты, почему я вижу грусть на ваших лицах? Парни, давайте ка лучше споём. Эй, Кляйнмиллер, быстро доставай свою гармошку и что-нибудь наиграй, а мы подпоём! Садись ближе и порадуй нас всех своей игрой.

А что вам наиграть? Могу подобрать "Эрику" или наиграть любимую всеми "Лили...", спросил стрелок, спешно доставая из нагрудного кармана кителя губную гармошку.

Нет Вилли, сопли про баб сейчас слышать не очень хочется. Наиграй что-нибудь весёлое, такое чтобы все знали и могли подпеть, попросил товарища "папаша Франц".

Весёлое, что? Говорите, господин унтер-фельдфебель, уточнил молодой солдат.

Сынок, давай жарь "про товарищей гуляк и пьяниц", заказал название песни командир отделения.

Молодой солдат, называемый в солдатской среде не иначе как "gruensilabel" – зелёный клюв, совсем недавно прибывший во взвод с учебного пункта, начал наигрывать на губной гармошке известную всему Вермахту мелодию любимой песни. Остальные солдаты, в такт музыке, начали негромко напевать слова, и над лагерем зазвучала солдатская песенка:

*...Будем смеяться, и петь всю ночь,
Потому, что мы давно не виделись,
Будем петь, и смеяться, пока день не пробудится,
Потому что мы расположены друг к другу,
Радость и горе – всё будет разделено вместе,
Для того мы вместе,
Потому что мы друзья, старые добрые друзья,
Друзья, ясно одно:
Настоящая дружба встречается не часто на этом свете,
Настоящая дружба – это единственное, что ценится,
Настоящая дружба – верная дружба,
Намного ценнее, чем имение и деньги,
Товарищи поднимем бокалы на рассвете,
Мы живём короткое время и умираем надолго,
Друзья, будем петь и смеяться,
Раскачаем наши старые сердца
Потому что кто весел, тот остаётся молодым...*

Такие вечерние посиделки в личное время перед отбоем солдат немного успокаивали, и всем хотелось верить, что Германия и СССР союзники и ничего худого из этого союза держав не получится. Командование дивизии и офицеры полка знали о таких разговорах солдат и старались их не опровергать. Даже когда кто-то из молодых офицеров батальона задавал "Старику" вопрос о начале войны, который уже некоторое время мучил солдат и офицеров, майор отмалчивался или переводил разговор на другую тему. Реймер, глядя с отеческим снисхождением на такого молодого повесу, недавно выпорхнувшего из училища, отвечал:

Вам что, господин лейтенант, не терпится ринуться в драку? Всему своё время! при этих словах на губах майора можно было разглядеть едва заметную снисходительную улыбку. А пока, смею Вас заверить, что решение о начале военных действий против России высшим руководством Рейха, ещё не принято! Поэтому Вам, дорогой мой дружок, надлежит ещё больше своего времени уделять занятиям с солдатами по отработке действий взвода в наступлении! Вам всё понятно?

Так точно, господин майор! Мне понятно! отвечал командиру батальона юный взводный.

И ещё! Я больше не желаю слышать от вас таких дурацких вопросов! Это понятно? Не слышу ответа, гер. лейтенант! с металлом в голосе майор закончил воспитывать молодого офицера.

Так точно! звучит ответ.

Вы свободны! Я больше вас не задерживаю – идите! отрезал майор Реймер...

К середине июня штабом полка была поставлена задача – всем командирам подготовить свои подразделения к началу боевых действий к последней неделе месяца. Объяснили просто – природа внесла в штабные планы свои поправки и из-за того, что весна с её паводками и сыростью слишком затянулась. Нет смысла начинать войну, когда почва и дороги не просохли, а в низинах стоит талая вода и на пути войск полноводные реки. Солдаты видели, что в ночь с 20 на 21 июня на границу прибыла тяжёлая артиллерия, позиции для орудий были заранее подготовлены и тщательно замаскированы.

Работы велись исключительно в ночное время суток, с соблюдением всех мыслимых и немыслимых предосторожностей. Командир полка пригласил всех офицеров прибыть в большую штабную палатку. К назначенному времени, когда все командиры были на месте, оберстлейтенант развернул на столе большую карту местности и стал уточнять обстановку, затем буд-

нично произнёс, что полку предстоит выполнить серьёзную задачу и одному из первых вступить на вражескую территорию. Далее разговор зашёл о том, где и в каком наиболее удобном месте батальонам и ротам надлежит переправиться через реку Западный Буг, захватить плацдармы и обеспечить развёртывание пионерных подразделений для наведения переправ, чтобы максимально быстро переправить наступающие части и подразделения Вермахта, идущие в первом эшелоне. Командир полка ещё раз уточнил, три дня назад проводилась очередная рекогносцировка местности и позиций советских войск у посёлка, на том берегу реки и наблюдатели в очередной раз отметили, что "соседи" продолжают активно строить оборонительные сооружения силами не более одного строительного батальона. Так же он распорядился внести изменения в оперативные карты командиров артиллерийских батарей полка, пояснив, какие цели должны быть подавлены огнём орудий в первую очередь.

Далее взял слово начальник оперативного отдела полка, который сообщил, что условия данной местности позволяют противнику скрытно вести подготовку позиций и скрытно разместить на них свои подразделения. Так же офицер пояснил, что штурмовые группы вырывает то, что с их стороны, многократный численный перевес в людях и вооружении, так же детально разработан план взаимодействия с артиллерийскими батареями крупного калибра и эскадрильями Люфтваффе. По плану, каждый батальон должен будет наступать по фронту длиной 2000 метров, плотно взаимодействуя с другими. Исходя из всех уточнений и дополнений, сложилась полная картина характеризующая местность на противоположном берегу Буга – ровные низкие берега, на расстоянии длиной 1500-2000 метров от берега расположены волнистые холмы и возвышенности. У обреза воды берег зарос густым кустарником и другой растительностью, которую нашим штурмовикам придётся вырубать и прокладывать просеки. Сама река представляет собой водоём шириной от 80 до 100 метров, с не очень быстрым течением, но, тем не менее, гребцам штурмовых лодок и плотов придётся учитывать снос на расстояние до 100 метров лодок и до 300 метров плотов. На стороне русских имеет место быть сильно развитая система полевых фортификационных сооружений, наблюдателям удалось засечь наличие броневых колпаков, дотов и бункеров. Инженерные работы на сегодняшний день русские не завершили и уже вряд ли смогут завершить.

В завершении совещания командир полка обратил внимание всех присутствующих на то, чтобы те ещё раз тщательно проинструктировали солдат, как следует себя вести на вражеской территории, он так и сказал:

Господа офицеры! Вдолбите в головы своим подчинённым – внимание и осторожность на каждом шагу! Осторожность, всегда и везде! И это не пустые слова! Поверьте мне на слово – от "иванов" можно ожидать всего, что угодно! Надо объяснить людям, что Германия начала эту кампанию против советской власти, большевицкой армии и их партийных чиновников, но не против мирных жителей. Верховное командование планирует, что наши части с ходу соьют вражеские заслоны и продвинутся далеко вглубь советской территории. Будем надеяться, что у нас всё получится! Но, господа офицеры, прошу вас не расслабляться, потому что нам предстоит длительные и упорные бои! Сейчас начальник секретного отдела, под подпись, выдаст всем конверты с приказами, после получения которых, можете покинуть штабную палатку и разойтись по подразделениям полка, закончил инструктаж командир полка.

Глава 5. Ночь с 21 на 22 июня 1941 года

Майор Реймер, вернувшись от командира полка в расположение батальона, немедленно собрал у себя в штабном блиндаже всех офицеров.

"Старик" изложил прибывшим, зачем его вызывал обест-лейтенант, но кое-что добавил и от себя:

Господа офицеры! Я собрал вас для того чтобы объявить всем, что нашей скучной полевой, а главное мирной, жизни пришёл конец! Мы на пороге больших испытаний, которые через считанные часы лягут на наши плечи тяжёлым грузом! Верховное Командование предоставляет нам почётное право первыми вступить на территорию СССР! Мы должны на деле показать, чему научились наши солдаты за время, сидения в этих лесах! В военном деле, давно известно, что первые победы задают всей армии определённый настрой и оказывают благотворное влияние на ведение боевых действий в дальнейшем. От них берёт начало настрой и моральный дух всего Вермахта в целом!

Все присутствующие сразу же воспряли духом – ещё сутки назад ничего подобного им никто не говорил. Далее майор отдал распоряжение к 21-00 построить весь полк на импровизированном плацу, чтобы капеллан отслужил мессу и благословил воинов. После отслуженной мессы, майор Реймер не стал распускать личный состав, а демонстративно при всех, достал из полевой сумки конверт, вскрыл его и перед строем начал читать содержимое:

Батальон! Равняйся! Смирно! Сейчас я всем зачитаю приказ самого Фюрера, в котором наш вождь обращается к нам! Солдаты восточного фронта! Мои солдаты! Отягощённый грузом величайшей заботы, вынужденный многие месяцы хранить в тайне наши планы, наконец-то Я могу сказать, вам открыто, всю правду...

Величайшие в истории мира армии готовы к бою не только потому, что их вынуждает к этому суровая действительность и необходимость, требующие окончательного решения или тому или иному государству требуется защита, а потому, что в спасении нуждается вся европейская цивилизация и культура. Немецкие солдаты! Скоро, совсем скоро вы вступите в бой – в суровый и решительный бой! Судьба Европы, будущее германского III-го Рейха, само существование народа Германии находится теперь в ваших руках!

После услышанных слов все офицеры и солдаты батальона с минуту стояли молча, немного ошеломлённые от такого известия. Затем капеллан, одетый в просторную сутану, из-под которой видны ярко надраенные офицерские сапоги, вместе со своим служкой, воздел руки к небесам и начал читать проповедь о боге, фюрере, фатерлянде, призывая верных сынов своей родины храбро сражаться против большевицкой России, как против врагов всего человечества. Правда, в этот раз трубачи не стали играть "ich hatte einen kameraden", в честь погибших на поле битвы товарищей.

Далее священник обошёл весь строй, благословляя солдат и офицеров. Закончив официальную часть, майор распустил весь батальон. Солдаты и офицеры разошлись по своим палаткам, у которых собирались небольшими группами и активно начали обсуждать услышанное на плацу известие. Принимать пищу совершенно не хотелось, и многие проигнорировали команду идти получать вечерний кофе. Настроение почти у всех военнослужащих батальона было боевое, многие шутили, другие говорили, что надо довериться вождю нации, который, как показывают последние события в мире, не ошибается! В те последние часы мира можно было слышать такие разговоры у палаток:

Ха! До конца лета надерём "иванам" задницы и поедем в отпуск.

Дааа, в отпуске можно будет отоспаться за весь год!

И по полной программе "оторваться" с распутными девками!

Вот уж придётся и шнапса попить и поблудить! предвкушали удовольствие отпетые батальонные гуляки.

Говорят, что отличившимся героям будут выдавать большие земельные наделы на Украине и в Крыму.

Это будет очень кстати!

Отец рассказывал, что земли в тех краях очень богаты чернозёмом...

Заведу хозяйство! наших коров завезу, кроликов, мечтали солдаты, бывшие родом из деревенской глубинки.

А я то думаю, зачем это пионеры убирают колючку с пограничных заграждений. Оказывается, они нам уже проходы подготовили! Вот молодцы!

И я тоже обратил внимание!

А ещё наши "грэнцшутцен" уже два дня как перестали ходить вдоль границы.

Легче будет переходить границу, вслух делились своими мыслями друзья из разведывательного отделения роты.

На войне есть все шансы быстро получить должность, внеочередное звание и вождённый крест на грудь!

Дружище, я полностью с тобой согласен!

А во время отпуска махнём в Париж!

Ещё раз с тобой согласен!

Нет, друзья, в Париж, это без меня. Поеду домой. Я обещал своей Гретхен, что мы поженимся, когда я приеду в свой первый отпуск, негромко строили планы взводные лейтенанты.

Надо будет обратиться к "шпису", чтобы обозники привезли нам больше патронов и гранат.

А провианта побольше набрать разве не надо?

А зачем? В русских домах любой едой сами разживёмся! судя по ещё ломким голосам, хорохорились молодые штурмовики.

Безумцы! Что вы делаете? Это будет дорога в один конец! не громко, почти шёпотом бормотал себе под нос пожилой обер-лейтенант, недавно прибывший в батальон из резерва.

Эй, вы, сопляки! Положите поближе в ранцы индивидуальные медицинские пакеты и аптечки с лекарствами. А пока есть немного времени, напишите письма домой, своим мамочкам. Потом времени на всякую писанину у вас долго не будет.

Будет исполнено, господин унтер-фельдфебель! звучит дружный ответ.

И ещё, советую сегодня ночью много не жрать и запастись водой! слышалось поучительное ворчание отдалённого командира.

Я не перестаю удивляться, как такое количество войск, в обстановке строжайшей секретности, стянули к берегам реки, на границу с СССР, более того, ещё тщательно скрыли от посторонних глаз. Конечно, во многом помогла подходящая местность, которая выручила командование, позволив всё отлично замаскировать в этих приграничных лесах. А русские на том берегу ведут себя, свято веря, что Германия и СССР добрые союзники! пуская табачный дымок из своей трубочки, просто рассуждал унтер-фельдфебель, конкретно не обращаясь ни к кому из солдат своего отделения.

Этот июнь выдался очень жаркий, как говорят местные старики-поляки, какой будет первый месяц лета – таким сложится и всё лето. Куда ни глянь, на их территорию, все поля рас-

паханы и засеяны. Только кому теперь достанется весь урожай или всё сгорит в огне войны? Интересно, а какой урожай будет дома, и смогут ли его убрать без меня и брата Рудди наши старики родители и младший брат Петер, которому вот-вот должно исполниться уже шестнадцать лет. Конечно, на помощь паренька по хозяйству особой надежды нет, потому что его должны призвать в трудовой лагерь. Жаль, если хлеб пропадёт, думал вчерашний крестьянин Эрих Манн, затягиваясь сигаретой "Пальмира", выпуская едкий табачный дым себе под ноги.

Бывший студент Иоганн Майер, сидя на траве, среди своих товарищей по отделению, протирал платочком стёкла очков, раз за разом прокручивал в голове смысл услышанного приказа Фюрера:

Восточный фронт. Сам Фюрер сказал, что мы теперь солдаты этого фронта. Армия от моря до моря, на многие тысячи километров, должна совершить невозможное – силой оружия и личной отвагой, очистить от варварских народов огромные территории и положить к ногам вождя тысячи километров нового жизненного пространства, столь необходимого германской нации!

В эту ночь у большинства солдат батальона во многом были схожие мысли, но вера в гений вождя нации и командование Вермахта была подавляющей. Когда солдат что то делает и занят работой, то время летит стремительно. Дел было много и за всеобщими приготовлениями незаметно наступило раннее утро 22 июня...

Батальон готов к началу восточной кампании. Все подразделения вышли на исходные рубежи. Командиры рот прибыли в штабной блиндаж для последнего инструктажа и уточнений. Майор Реймер негромко отдаёт последние распоряжения. Ротные командиры карандашами делают пометки на своих картах, что то записывают в командирские блокноты, уточняют позывные и частоты. Старослужащие солдаты стараются выглядеть уверенными в себе, бодрыми и спокойными бойцами. Хотя какое может спокойствие от таких новостей и предстоящих дел, но вида не показывают. Понятное дело, что вчерашние школьники, рабочие, крестьяне, недавно призванные в Вермахт, во все глаза смотрят и стараются походить на старослужащих. Интенданты, помимо сухого пайка (НЗ), выдаваемого каждому солдату на трое суток, каждому ещё выдали по три пачки сигарет с табаком дурного качества. Солдату обычно выдавали семь сигарет на день или две сигары, не курящим были положены сладкие леденцы. Молча разобрали сигареты, быстро распахав их по карманам и ранцам, отлично понимая, что другого курева не будет и полевая лавка приедет не скоро. Так же, на радость солдат, каждому выдали по полной фляжке с крепким ромом. Такая щедрость от прижимистого ротного "шписа", гауптфельдфебеля носящего соответствующую фамилию Scheeicher (проньера), с гордостью носящего на своей груди ленточку медали за беспорочную службу в Вермахте, наводила старослужащих солдат на определённые мысли о предстоящей кампании. Этот "ушлый парень", которого солдаты роты называли не иначе как "Die mutter, die kompanie" (мамочка роты) и уважали, был просто незаменим, когда надо было немного обойти устав или закон. В полевом пункте боепитания на каждое штурмовое подразделение выдали тройной запас патронов, гранат и мин для ротных миномётов.

Солдаты батальона видели, что "суетиться" начали все части и подразделения, расположенные неподалёку от их полевого лагеря. Понтонёры осматривали и готовили свои паромы и штурмовые десантные лодки, что-то подкачивали, поправляли и крепили. Танкисты деловито ходили вокруг своих бронированных чудовищ, кто-то увязывал на корпусе двухметровые брёвна, за башней монтировали этажерки с заполненными бензином канистрами. А ещё всем экипажам раздали красные флаги со свастикой чёрного цвета на фоне белого круга в центре полотнища. Удивлял тот момент, что такое количество горючего размещено на корпусе каждого танка, способного вспыхнуть от попадания малейшего шального осколка или пули.

Как идти в бой с таким грузом, когда жаркий погребальный костёр для всего экипажа гарантирован! такие мысли невольно лезли в голову каждого здравомыслящего солдата.

Глядя на такие приготовления танкистов "папаша Франц" произнёс следующие слова:

Парни, мне очень хочется верить, что "иваны" разбегутся только от одного грозного вида этой армады, особенно, когда наши танки, плотными рядами двинутся вглубь их территории. Пусть господь бог им поможет!

Незадолго до начала вторжения командование батальона разрешило солдатам немного отдохнуть и даже поспать, естественно не снимая с себя одежду и обувь, чем многие штурмовики и воспользовались, расстегнув верхние пуговицы своих курток, завалившись на траву во всей походной амуниции, положив рядом с телом личное оружие и пытаясь хоть немного подремать. Но сон не шёл, и люди просто лежали с открытыми глазами, смотрели на звёздное небо, молчали, думали о доме, смолчили очередную папироску или негромко переговаривались с соседом. Солдаты отделения унтер-фельдфебеля Келлера в полном составе собрались на своём привычном месте, но сегодня в основном все молчали, никто не смеялся и не шутил, все ответы и вопросы были краткими или однозначными. Получить завтрак в такой день никто не планировал, но уже в два часа ночи раздалась команда отправить солдат за едой. Обычный солдатский завтрак – хлеб, сосиски, картофель с овощами и чашка с эрзац-кофе. "Папаша Франц" на правах командира отделения, обратился к своим подчинённым:

Парни, я не ошибусь, если мы сегодня с вами поступим следующим образом – горячий напиток с куском хлеба, под хорошую сигарету, разгонит сон и немного взбодрит! А вот набивать своё брюхо едой, мы не будем. Я вам это делать не рекомендую. Сосиски, картофель и овощи возьмём с собой в Россию. Чего все на меня так вылупились, или я сказал что-то непонятное? "

Франц, ты, конечно, наш командир и тебе виднее, но, по-моему, это лишнее! – на правах старослужащего произнёс обер-ефрейтор Дитрих.

Даа, придётся нести на себе и немного жратвы! Ещё не известно, как всё сложится, но знаю две железные истины – перед атакой нельзя набивать едой своё брюхо! Это раз! Кухни на войне, особенно при наступлении, имеют моду запаздывать на неопределённое время. Это два! Еда из НЗ – не в счёт! Её брать без команды строго запрещено! Поэтому мы с вами позавтракаем вечером 22 июня. Котелки с пищей рекомендую сложить вовнутрь походных ранцев. Всем понятно? Не слышу?

Так точно! Понятно, господин унтер-фельдфебель! дружно ответили солдаты.

Забыл напомнить! Чтобы у всех во фляжках, под пробку была вода, сделал последнее наставление подчинённым "папаша Франц".

Солдаты отделения точно исполнили команды своего командира, и теперь штурмовики ждали только сигнал ракеты о начале перехода границы. В это тёплое предрасветное утро на лица солдат и офицеров упали первые лучи света, сделав различимыми черты лица. Последние минуты ожидания, самые томительные, пугающие неизвестностью и страхом, которому на войне подвержены все нормальные люди, кроме дураков, которым всегда любое море по колено.

Ну, что? Ещё в штаны не навалили? Герои? шутки ради и с ехидной издёвкой обратился к молодым солдатам своего отделения "папаша Франц".

Никак нет! У нас всё в порядке, господин унтер-фельдфебель, ответил за всех кто-то из молодых солдат.

Поверьте старому солдату – перед делом надо постараться полностью прогнать прочь все дурные мысли и переживания. Думайте о чём-нибудь простом, например, хорошо ли вы подготовили свой ранец и личное оружие. Ещё надо поработать над своим дыханием и уравнять его. Вдох-выдох, раз-два, дышим глубже, ещё вдох-выдох и не робейте. Я за вами присмотрю, и если будет нужно, то каждому из вас дам сапогом такого хорошего подсрачника, что мало не будет! попытался разрядить гнетущее напряжение Келлер...

Как ни ждали, сигнальная ракета взмыла в утреннее небо совершенно неожиданно для всех! Ракета не успела погаснуть, как разом заговорила артиллерия всех калибров, нарушив своим грохотом, летнюю тишину.

Глава 6. Начало – первые часы

Кажется, началось! по рядам штурмовиков пронеслась фраза, сказанная кем-то из офицеров батальона, заглушаемая шумом от выстрелов орудий. В один миг на русскую сторону полетели тысячи снарядов и мин, своим разрывами поднимая на воздух тонны земли. После артиллерии и миномётов в дело вступили доблестные пилоты Люфтваффе. Когда шум канонады немного утих, в предрассветном лазоревом небе послышался гул сотен авиационных моторов, а уже спустя какие-то секунды на большой высоте можно было увидеть армады бомбардировщиков с крестами на крыльях, летящих бомбить приграничные районы СССР. Это пилоты 53-й бомбардировочной эскадры поднялись в утреннее небо со своих аэродромов намного раньше полученного сигнала, чтобы к назначенному времени вторжения начать бомбардировку почти сразу же после "работы" артиллерии. Перед пилотами, в первую очередь, была поставлена задача уничтожить русские самолёты прямо на земле, затем разбомбить взлётные полосы аэродромов. Экипажи бомбардировщиков заранее знали все свои цели, намеченные для бомбометания. Внезапный налёт должен был деморализовать врага, обеспечив Люфтваффе полное господство в воздухе, и практически обезопасить наступающие части Вермахта от нападков Советских ВВС.

К 04-15 утра высоко летящие самолёты эскадры начали снижаться, хотя в небе было ещё достаточно темно, а солнце только синей зарёй вставало где-то далеко на востоке. В 04-30 все машины эскадры уже шли на малых высотах. Когда бомбардировщики достигли своих первых целей, в наушниках лётчиков прозвучала короткая команда "Angrif!" (атака) и экипажи начали облегать от бомбовой нагрузки корпуса своих "Фокке-Вульфов" и "Хейнкелей". Спящую землю в одно мгновение накрыли мощные взрывы, поднимая к небу плотные клубы чёрного дыма. Из-за остекления кабин самолётов пилоты видели как внизу, в разных местах начало бушевать ярко-жёлтое пламя пожаров, затем крошечная тьма дыма и гари закрыла землю. Сверху казалось, что земля попала в объятия какой-то гигантской преисподней...

Непосредственно в приграничных районах эскадрильи пикировщиков бомбили оборонительные позиции советских войск, сбрасывая свои бомбы на цели с низкого пикирования, снова и снова возвращаясь и пикируя на цели. В конце налёта "Штуки" делали последний заход, "поливая" горящие руины пулемётным огнём бортового оружия. Хотелось верить, что любимчики фельдмаршала Геринга разнесли и смешали с землёй всё враждебное – людей, технику и оборонительные сооружения.

В 05-00 утра все советские радиостанции дружно начали работать в эфир на передачу, передавая вышестоящим корреспондентам такой текст:

С 04 часов 15 минут утра 22 июня 1941 года немецкие самолёты повсеместно совершили налёты и атаковали наши города, аэродромы и части РККА!"

Приказ о форсировании реки батальону сообщили так же совершенно неожиданно, хотя такой приказ "Старик" давно ждал. Батальону предстояло быстро форсировать Западный Буг, внезапным броском захватить плацдарм в излучине реки, где находятся удобные места для переправы танков, техники и войск в целом. Плацдарм нужно не только захватить, но удерживать и защитить, пока пионерные части не наведут понтонную переправу и не проверят дно у нескольких старых бродов, пригодных для прохода танков и другой моторизованной техники. Майор так и сказал офицерам батальона:

Ваша главная задача – это захват плацдарма на том берегу Буга и пресечение любых попыток русских войск помешать движению сил нашего танкового корпуса вглубь России!

После получения приказа в расположении батальона всё пришло в движение. Нервозность и страх солдат отступили куда-то на задний план и даже ещё дальше. Штурмовики, подготавливаемые криками командиров, принялись выполнять отработанную на многочисленных трени-

ровках и учениях поставленную задачу, тем более после такой огневой и бомбовой обработки вражеских позиций за рекой, поставленная задача казалась не такой уж и сложной. На правом берегу Западного Буга уже совсем рассвело, но на русской стороне плотный тёмный дым поднимался в небо до самого горизонта. Рядом с расположением батальона, уже во всю, работали танковые моторы, экипажи снимали со своих машин маскировочные сети, из капониров начали неспешно выезжать лёгкие бронетранспортёры "Ханомаг", поднимая пыль, по просёлку взад вперёд сновали мотоциклетные разъезды.

Группы солдат принялись быстро и слажено подтаскивать к речному берегу большие и малые переправочные плоты, штурмовые резиновые лодки с уже заправленными в уключины короткими вёслами для гребцов. По всему берегу звучат призывные трели командирских свистков и команд, слышится ругань и грубые окрики младших командиров.

Помоги нам господь! Батальон начал вторжение! подумал "Старик", наблюдая за действиями своих штурмовиков.

Никто из солдат и офицеров даже не мог предположить, что ровно в 05-30 утра, вся Германия будет разбужена громом от игры большого числа фанфар, собранных вместе для трансляции на весь мир. Все радиостанции Рейха будут передавать в эфир выступление министра пропаганды Йозефа Геббельса, возвестившего немцам, что страна начала победоносную кампанию на Востоке, направленную против СССР, и объявившего на весь мир, что эта война является вынужденной превентивной мерой защиты против большевицкого агрессора уже давно изготовившегося к нападению на Германию.

Танкисты тоже не теряли времени даром и загодя полностью подготовили свои "ролики" для ведения боевых действий. В ожидании сигнала, экипажи занимали места внутри бронированных машин и бодрствовали, занимаясь различными делами. Механики прогревали многочисленные майбаховские двигатели, стрелки-радисты проверяли работу танковых радиостанций или сращивали вместе куски пулемётных лент для MG, заряжающие лишний раз тёрли ветошью латунные гильзы танковых снарядов в боевой укладке танка, командиры сидели на своих местах, томясь от вынужденного безделья. Накануне санитар выдал всем членам экипажа по кофейной пилюле или, как называли её танкисты, таблетке бодрости, поэтому, не смотря на позднюю ночь, спать совершенно не хотелось, даже наоборот – танкисты почувствовали прилив энергии и сил.

В 02-30 ночи вестовой солдат громко постучал камнем по броне командирского танка и услышал в ответ из-за брони грубую брань:

Солдат, какого чёрта тебе тут надо? Постучи по своему "blechhut"(стальному шлему), может в голове ума и прибавится! Пошути мне ещё! Лучше убирайся прочь "rotzjungem"(сопляк)! разразился руганью командир танка, затем распорядился: Ганс! Открой люк водителя и узнай, что нужно здесь этому олуху!

Механик-водитель открыл люк и по-простецки спросил растерявшегося солдата:

Скажи, приятель, тебе что от нас нужно?

Я посыльный и принёс устное распоряжение из штаба батальона, а вы мне хамите! с некоторой обидой в голосе произнёс солдат.

Ладно, не бери в голову! Сейчас позову командира, сказал механик-водитель и закрыл свой люк.

Командир танка высунулся из бортового окошка башни, непонятно чему улыбнулся и обратился к посыльному:

Докладывайте! Я жду!

Господин э... извините, в темноте не вижу вашего звания... начал было докладывать солдат, но запнулся и замолчал.

Моё звание обер-лейтенант, докладывайте быстрее! буднично произнёс офицер.

Господин обер-лейтенант! Докладываю – господин майор приказал передать всем машинам роты готовность номер один, оповестить экипажи танков, полное молчание в радиоэфире, рации держать только на приёме! Прогреть двигатели и через двадцать минут построиться в колонну и выдвигаться из леса к месту переправы номер один! У меня всё! закончил свой доклад посыльный.

Свободен рядовой! офицер отпустил молодого танкиста.

Генрих, оторви от кресла свою задницу, прогуляйся и оповести всех, что в 02-50 выдвигаемся к переправе. Мы начинаем кампанию! И давай шевелись быстрее, обер-ефрейтор, это приказ! ротный командир негромко отдал распоряжение по внутренней связи своему заряжающему.

Получив приказ от командира роты, унтер-офицер Венцель, командир танка с тактическим номером 188 и эмблемой полка в виде черепа на волнах внутри рыцарского щита, на броне и на башне, отдал своему экипажу необходимые распоряжения, после которых бронированная машина выехала из укрытия, заняла своё место в колонне. Как только танк двинулся по лесной дороге, Мартин открыл створки командирского люка, высунулся по пояс из башенки и стал смотреть вперёд по курсу следования к намеченной переправе. Даже сквозь утреннее марево и лёгкий туман Венцель смог разглядеть как десятки солдат штурмовых подразделений, с оружием наготове и в походной экипировке тоже устремились в сторону реки, своими сапогами поднимая песчаную пыль. Незадолго до начала размещения частей в лесных лагерях, командование распорядилось насыпать на дороги приличный слой речного песка, с помощью которого удалось значительно приглушить различные звуки, возникающие от передвижения танков, техники и других подразделений, тайно перебрасываемых к границе, заодно чтобы сбить с толку звуко-метрическую разведку русских.

Да, нагнали силищу! восхищённо произнёс вслух сам для себя унтер-офицер глядя, как танки его роты, растянувшись в длинную змею, медленно двигаются по лесной дороге. Через пятнадцать минут движения колонна проехала мимо позиций артиллеристов, орудия которых уже освобождены от маскировки, длинные стволы задраны вверх и направлены в сторону русских позиций, снаряды освобождены от ящиков и сложены штабелями рядом, все номера расчётов находятся на своих штатных местах в полной готовности. Когда танки достигли нового места сосредоточения, колонна временно заглушила моторы и замерла в ожидании дальнейших распоряжений, на улице уже посветлело, так, что можно было различать влажную зелень листвы, в небо взвилась сигнальная ракета и в тот же миг заговорила, проснувшаяся от спячки артиллерия...

Когда огненная канонада стихла, неожиданно заработало радио – командир батальона поздравил все экипажи с началом кампании и сказал, что нужно ещё немного подождать, пока штурмовые подразделения дивизии форсируют реку, захватят плацдармы, пионеры наведут переправы и проверят броды. Чёрный дым до небес, горящие дома и постройки в близлежащей деревне, и вспыхнувшую ярким огнём наблюдательную вышку на том берегу Венцель легко смог разглядеть в свой бинокль. Вдоволь насмотревшись на советский берег, танкист увидел у воды штурмовые лодки, в которых гребцы уже заняли свои места, а штурмовики заканчивают погрузку.

Первая лодка загружена, вторая, третья, ещё и ещё... Совсем негромко звучит доклад: Господин гауптман, все наши заняли места в лодках, гребцы готовы!

Несколько минут ждём! отвечает ротный командир.

В тишине неожиданно слышится ругань одного из командиров отделений:

Эй, кто там пытается курить? Дерьмо собачье! Не курить! Ещё темно и огонь сигареты отлично можно разглядеть издалека. Русский стрелок по тлеющему огню сигареты влепит пулю тебе прямо в лоб.

В последнюю минуту мира штурмовики сидят на фанерных скамейках лодок, оружие у всех наготове, ремешки стальных шлемов застёгнуты на подбородках, кто-то лишней раз поправляет на себе ремни амуниции или открывает застёжки на подсумках с патронами, взгляды всех устремлены на русский берег. Радист принял приказ из штаба батальона и немедленно доложил ротному о поступившем сигнале. Команда офицера, как её ни ждали штурмовики, прозвучала для всех совершенно неожиданно:

Начинаем! Все вперёд! И поможет нам Бог!

Гребцы дружно работают вёслами, штурмовые лодки отваливают от берега, на борту каждой переправляется отделение стрелков и пулемётчик, занимающий место на носу и в любую секунду готовый открыть огонь из своего МГ...

Лодки устремляются в сторону советской территории. Несмотря на усилия гребцов, на середине реки течение берёт своё и сносит лодки несколько в сторону. С русской стороны по ним пока никто не стреляет. Кто-то из солдат повернул голову назад и произнёс:

Мы ещё не достигли середины реки, а наши пионеры уже собирают секции понтонной переправы! Быстро же у них получается это дело!

На другой штурмовой лодке "папаша Франц", оставаясь внешне идеально спокойным, с трубкой во рту, сидя рядом с рулевым, управляющим движением лодки по воде, продолжал поучать бойцов своего отделения:

Последний раз говорю для молодых! В бою важно только одно – или ты, не думая ни о чём, убиваешь врага, или враг убьёт тебя! Только так и по-другому быть не может! До всех дошло! Не слышу?

Так точно! в разнбой прозвучал ответ нескольких молодых солдат отделения под тихое касание оперения вёсел о воду.

Первые лодки быстро достигли берега и мягко уткнулись резиновыми носами в прибрежный песок. В утреннее небо взмыла белая ракета, как знак того, что высадка на русский берег прошла успешно, всё идёт по плану и пока без потерь! Не зря же командиры гоняли солдат до седьмого пота, отрабатывая на учениях переправу через реку, высадку подразделения и захват плацдарма на вражеском берегу. Вот и сегодня, кажется, пока всё идёт как по нотам – лодки, справляясь с течением, быстро перевезли на берег первую волну штурмовых подразделений, которые после высадки на песок сразу же начали углубляться вглубь советской территории для захвата плацдарма. Со второй волной на берег высадились пионеры, уже готовые завести смонтированные секции понтонной переправы. Совсем не замочив сапог, из одной лодки ловко выпрыгнули на берег солдаты отделения связистов, неся на груди и спинах большие катушки с полевым кабелем, другая лодка доставила двух артиллерийских корректировщиков с радиостанцией и оптическим дальномером. Солдаты старались как можно быстрее покинуть качающиеся на воде хлипкие лодки и ощутить под ногами твёрдую землю. Не зря ведь в Вермахте говорят, что инфантерия – королева на земле!

Не прошло и часа, как в штаб батальона пришло сообщение, что первая рота, под командованием гауптмана Гофмана, без единого выстрела, взяла под контроль плацдарм на возвышенной местности. В нескольких километрах выше по течению реки, в густой лесополосе, где должна была переправляться вторая рота батальона, дела обстояли несколько хуже. До слуха майора Реймера донесся шум от пулемётных и автоматных очередей, также отчётливо звучали винтовочные выстрелы и разрывы гранат.

Командир батальона, вспомнил неоднократные доклады командира разведывательной роты командованию полка, что в том месте лесная глухомань и у русских там вообще нет никакой обороны, пару раз в сутки их пограничники дозором обходят участок, где забор с колючей проволокой не везде установлен и всё. Поэтому-то место и было выбрано штабом дивизии для переправы.

Теперь стало понятно, что переправа второй роты проходит с осложнениями и всем приходится не сладко. А ещё командир батальона отправил в распоряжение второй роты фронтowego кинохроникёра, здраво полагая, что там боевая обстановка будет спокойнее, будь он неладен! Майор Реймер отлично помнил тот звонок из штаба дивизии, когда его попросили оказать визитёру максимальное внимание и посильную помощь. Штабные особо предупредили, чтобы он не пускал известного всей Германии "хроникёра" в самую гущу событий, и его визит в войска прошёл с максимальной безопасностью. Кто же мог подумать, что в том тихом месте всё пойдёт не по плану. Будем надеяться, что сегодня всё сложится не так трагично.

Тревожась за ход операции на участке второй роты, майор решил пройти к машине радиосвязи, чтобы подробнее узнать детали высадки. Увидев командира батальона, начальник передвижной радиостанции подтвердил, что пришло сообщение из первой роты, в котором гауптман Гофман сообщал об удачной переправе роты, захвате плацдарма и наведении понтонной переправы для техники. Наша артиллерия разбила огневые точки русских у берега реки, и они теперь какой либо опасности не представляют. Потерь среди личного состава роты пока нет.

Затем следовал доклад из третьей роты, переправа которой тоже прошла почти без потерь, за исключением одного "но". Когда штурмовые лодки с людьми достигли середины реки и, несмотря на слаженную работу гребцов, их начало сносить сильным течением вниз по реке влево. Неожиданно с русской территории прилетело несколько тяжёлых снарядов, разорвавшихся на воде гигантскими фонтанами с мириадами капель воды, разлетевшимися во все стороны. Силой взрывов на реке образовалась небольшая волна, неожиданно качнувшая лодки. Несколько солдат, из молодняка, поддались панике, вскочили в полный рост со своих мест, не удержались на ногах и, потеряв равновесие, попадали в воду. Судя по карте, глубина реки в том месте не более 1,0-1,5 метра, дно не ровное, местами ямы и омуты.

Двое солдат утонули, ещё у двоих бедняг были все шансы пойти ко дну под тяжестью амуниции и оружия, но товарищи успели их схватить за ремни или воротники полевых кителей и удерживать на плаву, пока другие солдаты не смогли втащить мокрые тела недотёп обратно в лодки. В остальном высадка прошла без потерь. Разведгруппы прочесали берег и прибрежные кусты ольхи, но русских солдат не обнаружили. Пройдя немного вглубь территории, разведчики обнаружили несколько огневых точек, без вооружения и русских солдат. Сложилось впечатление, что "иваны" просто не успели сюда завести и установить оружие и боеприпасы. Через несколько минут, со стороны третьей роты, в воздух взлетела белая ракета, подтверждающая, что высадка роты прошла успешно.

Неожиданно пришло сообщение от командира первой роты, из которого следовало, что при форсировании реки подразделения роты действительно столкнулись с вооружённым отпором русских.

На войне как на войне! Среди личного состава роты есть потери, подсчитать которые пока не представляется возможным. Помощь не требуется. Далее шёл доклад о том, что репортёр из Берлина жив, находится рядом с командиром роты, доволен, что снимает интересные сюжеты для кинохроники, о первых днях боевых действий штурмовых подразделений. На самом деле при высадке штурмовиков первой роты произошло тоже не всё так гладко, как было доложено "Старику".

Многие солдаты, не смотря на отличную выучку, попав на воду, банально укачались при форсировании реки, у троих закружилась голова и они, потеряв равновесие, упали в реку, но из-за небольшой глубины не утонули, а самостоятельно добрались до берега.

"Папаша Франц" уже на берегу ворчал на "своего" купальщика, которого другие солдаты, бывшие в лодке, не успели поймать:

Ну что, Вернер, принял водные процедуры? Хорошо хоть не обосрался! А то сейчас бы уже воняло! Ха-Ха! затем он замолчал на несколько секунд и продолжил разговор уже

без смеха. Солдат, ты молодец, что оружие не бросил и сам не потоп! Считаю, что тебе пока повезло!

При высадке с лодок, когда ноги солдат почувствовали твёрдую почву, несколько укачавшихся опустились на колени и без стеснения начали натужно травить. Гауптман Гофман отдал распоряжение разведчикам выдвинуться вперёд и немедленно осмотреть высоты, удобные для плацдарма. Разбитые артиллерией и теперь дымящиеся развалины огневых точек на берегу реки, расположенные совсем рядом с остатками разобранного в конце 1939 года деревянного моста, ротный командир решил не осматривать, полагая, что никого живого в них не осталось.

После сигнала ракетой вторая волна наступающих начала подготовку к переправе через реку, ожидая, когда катер-толкач, буравя винтами воду, отбуксирует на русский берег понтонный мост. Солдаты, с обеих сторон реки, невольно залюбовались действиями небольшого судёнышка, буксирующего длинную нитку понтонного моста с одного берега Буга на другой берег. Все понимали, что как только пионеры вытянут понтон в идеальную прямую линию и намертво закрепят концы на берегу, можно будет начать движение. Наплавной мост спокойно может выдержать следующие колонной танки, бронетранспортёры, тягачи с орудиями на прицепе, грузовые машины с боеприпасами, штабные автобусы и даже обозные гужевые повозки. Батальонный радист связался с радиофургоном танкового полка и сообщил, что штурмовые роты успешно форсировали Западный Буг, закрепились на плацдармах, пионерные части навели переправу, можно начинать движение танков и техники.

Яволь! Сообщите двадцать первому, что мы начинаем переправу! раздалось в наушниках.

Опередив колонну бронетранспортёров, вынырнув из клубов пыли, к мосту примчались два мотоцикла с колясками из службы полевой жандармерии. Один мотоцикл остался стоять у моста на немецком берегу, а экипаж, состоящий из трёх жандармов, стал разворачивать временный пост. У всех жандармов на груди блестят массивные бляхи с имперскими орлами и надписью "feldgendarmerie" (фельджандармерия), у каждого на руках надеты краги белого цвета, за ремёнными поясами видны палки жезлов регулировщика. Своим уверенным видом старший поста даёт всем понять, что наделён особыми полномочиями, и церемониться он ни с кем не намерен. На другом берегу реки у поворота шоссе на Мотыкалы по плану тоже планировалось развернуть временный пост регулировки дорожного движения, поэтому второй мотоцикл движется очень медленно, словно опасаясь того, что состыкованные вместе понтонные секции вдруг разъедутся и экипаж в полном составе окажется в воде. За мотоциклом, дымя мотором, на пониженной передаче на мост медленно въезжает бронетранспортёр SD.KFZ.251/1 "Ханомаг", вызвав своей массой небольшой прогиб понтонных звеньев и создав лёгкую волну на реке. Механик-водитель уверенно ведёт свою 9-ти тонную машину по мосту, из-за наклонного щитка пулемётной установки выглядывает стрелок, беспечно подставив первым лучам солнца своё белесое лицо. Десять солдат, находящихся внутри кузова бронированной "духовки", сидят на скамейках с кожаным верхом, тесно прижавшись друг к другу, молча завидуя своему товарищу, высунувшему "на улицу" свой череп, и с нетерпением ждут, когда этот стальной гроб на колёсно-гусеничном ходу проедет по "гуляющему" мосту, а затем съедет на твёрдую землю. За первым бронетранспортёром на мост въехал другой, третий ждал на въезде на мост.

Цепные псы, как всегда лезут, не соблюдая очереди! произносит механик-водитель, буквально на мгновение, повернув голову к командиру бронетранспортёра.

Не пыли Ганс! Они должны патрулировать дороги, устанавливая для нас указатели и следить, чтобы никто не толпился. На войне у каждого своё дело! ответил товарищу командир.

Преодолев мост, мотоцикл проехал по шоссе метров сто пятьдесят и решил остановиться. Водитель заглушил двигатель как раз напротив разбитой огневой точки, установленной для защиты берега реки у шоссе-ной дороги, называемой ещё пару лет назад "Варшавским трак-

том". С другой стороны дороги, среди снарядных воронок ещё дымились развалины ещё одной разбитой пулемётной точки русских. В воздухе ещё пахло гарью и жжёным толом.

Руди, зря ты здесь остановился! Надо было проехать дальше. Здесь сильно воняет сторевшим толом и гарью от костра. Может, проедем вперёд ещё метров двести? предлагает унтерфельдфебель полевой жандармерии, во время движения сидевший за водителем. Он спустился с жёсткого сидения на дорогу, стал делать лёгкие приседания и потягиваться всем телом.

Отстань Курт! Место хорошее. Постоим здесь, пока танки батальона не переправятся. Я хочу отойти и немного отлить! Потом мы ненадолго оставим нашу ласточку, дойдём до травы, сядем и спокойно покурим. Я угощу тебя сигаретой! отвечает товарищу водитель, снимая с головы стальной шлем с мотоциклетными очками над козырьком. Стоя рядом с мотоциклом, жандарм повесил свой шлем на ручку руля, затем стал снимать с рук кожаные перчатки, небрежно закинув за спину свой МР-35.I(Бергман), затем обратился к третьему члену патруля, сидящему в люльке и что то жующему:

А ты, Альфред, всё не можешь набить своё брюхо? Не сиди в люльке, а лучше встряхни свои кости, встань и проверь, хорошо ли у нас закреплены канистры с бензином.

Чёрт с тобой! Постоим здесь, не стал спорить старший мотоциклетного патруля.

Глава 7. Неожиданное "происшествие" у переправы

Ещё несколько минут назад ничего не предвещало беды – первый бронетранспортёр успешно проехал по понтонному мосту, выехал на берег реки и, не задерживая движение остальных машин, двинулся по шоссе вперёд. Когда стальная машина, ревя мотором и лязгая гусеницами, немного не доехала до мотоцикла с фельдшардами, откуда-то из-за придорожных кустов внезапно поднялся и встал в полный рост русский солдат с зелёной фуражкой на голове. Левый рукав его гимнастёрки был разорван до локтя, виднелась белая повязка с бурыми пятнами крови. В правой руке боец держал связку из трёх гранат РГД-33, связанных вместе узким брючным ремешком. Резкий замах рукой и связка гранат летит прямо под колёса бронетранспортёра. Смелый метатель быстро исчезает в высокой траве. Сильный взрыв трёх гранат общей мощностью 1,5 килограмма взрывчатого вещества раздаётся прямо под мотором и сильно подбрасывает машину бронетранспортёра на месте. Двигатель заглох и стал густо дымить, огненные языки пламени начали лизать моторное отделение. В это же время другой пограничник тоже поднялся и стал вести огонь из автомата ППД по экипажу мотоцикла. Первой короткой очередью был убит водитель мотоцикла, находившийся ближе всех к стрелку. Немец так и не успел ничего понять – получив в грудь свои три пули, он замятво упал на землю с расстёгнутой ширинкой штанов. Затем стрелок быстро направил свой автомат на солдата, стоящего у мотоцикла, быстро прицелился и нажал на спусковой крючок. Прогремела вторая очередь. Одна из выпущенных пуль попала Курту в правый глаз и вышла из затылка, силой удара мгновенно отбросив тело жандарма на несколько метров в придорожную траву. Третий солдат попытался выбраться из коляски мотоцикла, но не успел, получив в ноги несколько автоматных пуль из третьей очереди выпущенной пограничником, с лёгкостью пробивших тонкую жёсть корпуса. Пули из этой очереди угодили в одну из нескольких канистр с бензином, размещённых в специальных контейнерах на корпусе мотоцикла и на коляске. Громким хлопком взорвался бензин, разбрызгивая во все стороны огненные брызги. На стонавшего от боли в простреленных ногах Альфреда попали сотни капель горящего бензина, мгновенно превратив раненого жандарма в один большой огненный шар. Громкий истошный крик заживо горящего человека далеко разнёсся на всю округу, пугая находившихся не далеко солдат штурмовой роты...

Чувство самосохранения заставило солдат и офицеров быстро попадать на землю и постараться спрятаться среди прибрежной травы и кустарников, что они и сделали.

В тот же миг из разбитого дота раздалась очередь из русского ручного пулемёта ДП, направленная на плохо соображающих от контузии солдат, сумевших выбраться из окутанного дымом бронетранспортёра. Следующую очередь, примерно на треть диска, пулемётчик выпустил по штурмовым лодкам, перевозящим солдат и различные грузы тыловых служб батальона через реку. Лежащим на земле штурмовикам хорошо было видно, как несколько солдат свалились за борт, а русские пули ломают вёсла-каное в руках гребцов и дырявят резиновые борта лодок. Было слышно, как из пробитых баллонных отсеков с шумом выходит закачанный воздух. Плохо управляемые лодки начинает сносить течением реки вниз. Больше двадцати штурмовиков оказались в воде. Кто-то из них, попав в донные ямы, отчаянно запаниковал, и до слуха лежащих в траве донесли крики на немецком языке:

Помогите! Я не умею плавать! Тону!

Пограничники видели, как несколько бездыханных тел из двух лодок упали в воду, а три лодки, с обмякшими бортами перевернулись вверх дном. Пулемёту вторят одиночные выстрелы из "мосинки" и скупые очереди из ППД. Стреляющий из ручного "дегтяря" Пантелей Юрчук, в перерывах между очередями, громко произнёс:

Нам надо уходить! Сейчас эти с-суки опомнятся и отойти к заставе уже не получится. Патронов осталось немного.

Слышь, Панька, может, ещё им врежем, уж больно зло берёт! попробовал возразить товарищу второй номер.

Обязательно врежем! Только не здесь. Ты вот, что Витя – осторожно выберись из дота и крикни парням, чтобы отходили, а я их прикрою! Надо уходить к заставе! отдал распоряжение первый номер расчёта.

Сделаю! произнёс красноармеец Виктор Медведков и начал пробираться сквозь рухнувшие брёвна наката к выходу из огневой точки. Когда боец выбрался наружу, то чуть не попал под плотный огонь пулемёта MG-34, ведущийся из бронетранспортёра, стоящего у самого обреза берега реки. Немецкий пулемётчик, прикрываясь наклонным щитком, длинными очередями начал бить по доту, пытаясь заставить навсегда замолчать этого так некстати ожившего русского пулемётчика. Спустя минуту ему на помощь пришёл ещё один пулемёт, своими длинными очередями, пытавшийся приземлить двух бойцов, занявших свои позиции в воронках рядом с дотом, который скупо огрызнулся в ответ. Боец выбрался наружу, сделал десяток шагов, прыгнул в свежую снарядную воронку, осмотрелся, передёрнул затвор своей винтовки, загоня патрон, из ствольной коробки в ствол и решил немного повоевать.

Пантелею хорошо – он вон, сколько немцев набил! А я ему только патроны подавал, и даже ни разу не выстрелил! Называется, повоевал! такие мысли с начала боя невольно лезли парню в голову. Виктор осторожно высунулся, внимательно, как учили, оглядел поле боя, выбрал себе цель, положил винтовку на край воронки и начал целиться.

В прорезь прицела боец хорошо видел, как на берег реки, кашляя и выплёвывая из себя речную воду, без оружия, начали выбираться двое "утопленников".

Оружие утопили, а сами выплыли! Растяпы! Сейчас я вас немного согрею! не громко, говоря слова для самого себя, произнёс боец и сделал первый выстрел, ничуть не смущаясь, что убивает безоружных солдат.

Виктор Медведков служил не первый год, прекрасно стрелял и с гордостью носил на груди знак "Ворошиловский стрелок". Будучи ещё совсем молодым бойцом, на стрельбах учебной заставы, Виктор с лёгкостью поразил все мишени, чем тогда немного удивил своего отделённого командира.

Стрельну пару раз и начну выполнять приказ... – решил для себя пограничник. Он определился с целью и сделал первый выстрел. Уррра! Я в него попал!

Один из солдат, что-то громко заорал на чужом языке, а его товарищ на четвереньках по-рачьи, задницей вперёд стал пятиться назад, пытаясь забраться обратно в реку, со страху полагая, что в воде будет безопаснее всего. Прицеливаясь для второго выстрела, в прорезь прицельной планки Виктор разглядел выпученные от страха глаза немца и выстрелил. Отползающий немец оказался проворным – винтовочная пуля ударила буквально в нескольких сантиметрах от лица, подняв небольшой фотанчик песка. Близкий удар пули ещё сильнее напугал и придал дополнительное ускорение испуганному штурмовику, заставив его пятиться к воде ещё быстрее.

Вот балда, не учёл скорость движения! Я тебя сейчас достану! подумал Виктор, прицеливаясь в немца. Сухо треснул третий выстрел и, ползущий в реку штурмовик, уронил голову в реку, его тело безвольно стало качаться на воде. Затем взгляд бойца зацепил пулемётчика, стреляющего из-за щитка второго "Ханомага", остановившегося в нерешительности прямо на выезде с понтонного моста.

Механик-водитель видел, как мощный взрыв подбросил головную машину, здраво посчитал, что дорога заминирована и остановился. Пулемётчик, не экономя патроны, буквально осыпал пулями оживший дот, в котором находился Юрчук.

Попробую его снять! решил Медведков и полностью сосредоточился на цели и стал ловить момент, когда немец подставится. Долго ждать не пришлось, видимо меняя раскалившийся ствол или заправляя в приёмник новую ленту с патронами, пулемётчик в стальном шлеме на мгновение показал свою голову из-за скошенного щитка пулемётной турели. Сухо грохнул четвёртый выстрел, и убитый пулемётчик упал вовнутрь стального корпуса, а ствол МГ безвольно задрался к небу.

Есть! от радости громко произнёс стрелок и решил, что больше стрелять не будет.

Пора звать наших! подумал Виктор. Он по грудь высунулся из воронки и что есть мочи в голосе, закричал: Ребятаааа! Юрчук приказал отходить! Уходим к застаааа...

Боец умолк на полуслове и упал на дно воронки, выпустив из рук свою винтовку. Виктор попытался сделать глубокий вдох и не смог, потому что винтовочная немецкая пуля угодила ему в грудь. Беззвучно, как рыба, оказавшаяся на песке, пытаясь сделать губами глоток воздуха, Виктор поднялся, брызгая кровью, захрипел, пытаясь, что-то сказать. Вторая пуля ударила ему в голову, мгновенно убив пограничника.

Несмотря на суматоху боя, оба пограничника услышали, что кричал им товарищ, а затем умолк на полуслове.

Минька! Ты там жив? хрипло проорал товарищу младший сержант Виктор Ефимов, меняя в своём ППД опустевший магазин на новый, полностью набитый патронами.

Жив *покуда!* Правда, *патронив зальшилось зовсим* мало, отвечал товарищу Михаил Колажко.

У меня остался полный диск и наган с патронами, сообщил товарищу младший сержант.

А у менэ ще е "ергедешка"! произносит Михаил.

Ты тоже слышал, что "Медведь" проорал? спросил Ефимов.

Та, чув. Но вин змовк на тивслови. Живый ли? высказал сомнение пограничник.

Эй, "Медведь"?! Ты живой? Ответь! прокричал младший сержант, затем ещё произнёс: – Миша, он молчит!

Оба бойца видели сгоревший остов мотоцикла, горящий бронетранспортёр, замершие в различных позах тела убитых немецких солдат. Выбрав момент, когда стрельба немного притихла, и были слышны только короткие очереди из дота, младший сержант Ефимов быстро перебежал в воронку к товарищу и отдышавшись произнёс:

Пантелей ещё жив! Слышишь как он по ним, короткими режет! отдышавшись, произносит Ефимов, затем он осторожно выглядывает из воронки и выстреливает скупую – на пять-шесть патронов, очередь из своего ППД, затем другую и продолжает говорить: Эти вояки уже начали приходить в себя и нам их не сдюжить! Ещё несколько минут и они, своим огнём, нас задавят!

Если ты меня прикроешь, я *худо* смотаюсь *до цёго* "броника, предложил Михаил.

Зачем? кратко спросил товарища Виктор.

Хочу трохи пошукать шо е у цёму горящему гроби, МГ ихний зниму, патронив трохи посбыраю. Може там ще МП е, та гранати, – объяснил младшему сержанту Миша Колажко.

Попробуй! Только ты со своей рукой, доползти то сможешь? Виктор кивает головой, показывая взглядом на забинтованную руку товарища.

Чепуха. *Зможу. Ты тильки мене вогнём пидримай, а я пидберусь до ньёго,* суну им гранату, *потим зализу в цию гробину,* заверил младшего сержанта Михаил, затем рассказал о своих действиях.

Действуй! А я шугану эту нечисть! выслушав бойца, поддержал Ефимов.

Красноармеец Колажко достал из кармана шаровар гранату, привёл её в боевое положение, аккуратно положил свою "мосинку" и, плотно вжимаясь в землю, пополз к подбитому бронетранспортёру. Когда до "Ханомага" оставалось метров семь, Михаил перестал ползти, лёг на бок, взял гранату в правую руку, ловко поднялся и закинул её вовнутрь бронетранспор-

тёра. После ювелирного броска гранаты парень замер на земле и, чтобы не оглохнуть, зажал руками уши. Внутри стальной коробки сильно рвануло. Ни секунды не медля, Миша Колажко поднялся с земли и быстро забрался в ещё дымящееся нутро бронетранспортёра. Автоматная очередь младшего сержанта заставила замолчать стреляющих немцев и помогла бойцу проникнуть в "Ханомаг". Услышав неподалёку взрыв гранаты, пулемётчик Юрчук на секунду отвлёкся от стрельбы и перестал стрелять. Боец увидел, как после взрыва, экономя патроны, заработал ефимовский ППД, а потом Мишкина фигура с перевязанной рукой быстро перемахнула через борт дымящегося бронетранспортёра и исчезла внутри корпуса.

Ефимов, Колажко! Живы, чертяки! с явным восхищением произнёс Пантелей и тоже стал прикрывать отчаянного товарища. Короткие очереди, выпущенные из ДП, временно отбили желание у штурмовиков лишней раз поднимать из травы свои головы.

Попав вовнутрь "Ханомага", Миша увидел тело водителя с разбитой головой, а в десантном отделении друг на друге лежало несколько бездыханных тел солдат, на которые он приземлился после своего прыжка. Он осмотрелся и принялся снимать командирский МР-38 со специального крепежа на стенке, второй МР вытащил, распахивая по сторонам тела солдат. Минута ушла на то, чтобы расстегнуть и забрать себе поясные ремни с запасными магазинами в брезентовых чехлах. Парень решил, что карабины придётся оставить и ограничиться только МР-шками и патронами к ним. Напоследок Миша забрал медицинскую аптечку с красным крестом и стал пробираться к выходу из "Ханомага".

Витька, прикрой меня! Выхожу! громко прокричал боец, перед тем как выпрыгнуть из бронетранспортёра.

Прикрываю! громко проорал младший сержант, а потом выпустил несколько длинных очередей, заставляя штурмовиков уткнуться свои головы в песок.

Пантелей Юрчук видел как красноармеец Колажко, надев на шею два немецких МР, держа в руках ремни с запасными магазинами и ещё какую-то брезентовую коробку, бежит сломя голову в сторону дота. Так же он услышал несколько приличных очередей из ефимовского ППД, прикрывающих бегущего бойца. Чтобы поддержать бегущего, Пантелей тоже стал бить короткими очередями также, не давая поднять головы, лежащим на земле штурмовикам.

Миша Колажко не добежал до спасительного дота совсем немного, когда послышался шелест летящих мин, потом раздалось четыре взрыва, потом ещё четыре, ещё и ещё. В разные стороны полетели тысячи смертоносных осколков, выкашивая высокую траву, перерубая ветки кустарников и убивая всё живое на своём пути...

Виктор Ефимов прикрывал товарища, ведя огонь из своего автомата, увидел как уже после первой серии взрывов, Миша, нагруженный оружием, как-то неловко споткнулся, остановился, выпустил из рук ремни с подсумками и упал лицом вперёд на землю, накрыв своим телом немецкие автоматы.

Миня, ты чего лёг то? Ползи ко мне! стараясь перекричать звуки войны, кричал Ефимов, затем видя, что товарищ лежит и не шевелится, он выскочил из своей воронки, на бегу закинул за спину ППД и побежал. Виктор добежал до пробитого осколками тела бойца, опустился на колени, убедился, что тот ещё подаёт признаки жизни и со словами: "Потерпи друг, сейчас выберемся!" начал волоком тащить товарища к доту. Младший сержант не увидел, как в их сторону немецкий стрелок уже повёл стволом пулемёта бронетранспортёра, стоящего на выезде с моста. Попасть с такого расстояния в медленно движущиеся фигуры пограничников опытному пулемётчику не составило особого труда. Пулемётчик определил расстояние до цели, подогнал планку прицела, прицелился и нажал на спусковой крючок, в один миг, сбив очередь оба тела. Затем, пользуясь преимуществом в скорострельности, перенёс огонь своего МГ на оживший дот и не жалея патронов, стал бить по его амбразуре.

Пантелей успел увидеть, что его товарищи замертво лежат среди стеблей травы, затем у дота стали с грохотом рваться мины. Две из них прошелестели и рванули рядом с амбразурой,

подняв на воздух комья земли и камней. Ещё две попали в разбитую крышу дота и своей силой оглушили и контузили сержанта.

А-а-а... сначала еле слышно стонал сержант, затем начал надрывно кашлять, выплёвывая себе под ноги попавшую в рот землю.

Ребята погибли... Остался один... Буду отбиваться, пока жив! Плохо, что патроны на исходе... твёрдо решил для себя пограничник. Пока ствол "дегтяря" остывал и никто не лез, Пантелей стал писать записку, в которой сообщал, как тут всё было в первые часы войны – наши вернутся, в чём он ничуть не сомневался, и найдут мою записку. Боец достал из кармана карандаш, нашёл недописанное письмо, из которого оторвал чистую полоску и, слюнявя языком грифель, начал писать...

Он кратко написал о ходе боя, перечислил очевидные потери немцев и потери бойцов наряда. Написал, что остался один в разбитом доте, попрощался со своими родителями, посмотрел на часы и приписал на обрывке листа время и дату. После Пантелей вытащил красноармейскую книжку, комсомольский билет, удостоверение к знаку "Ворошиловский стрелок", расстегнул пуговицы на груди и стал свинчивать сам знак. "КИМовский" значок и фотографию родных парень решил оставить при себе.

Чтобы записка не попала в чужие руки, боец решил спрятать её в доте. Пантелей снял с левой ноги сапог, размотал портянку, встряхнул и расправил её, небольшой стопочкой положил на ткань документы, записку и сверху знак, затем сделал плотный свёрток. В темноте нашарил рукой на земле плоскую тарелку отстрелянного магазина, снял с него верхнюю крышку, отбросил в сторону ненужную пружину, уложил свёрток в нижнюю часть и соединил обе части диска в единое целое. Когда пограничник стал ковырять ножом землю, пытаясь закопать документы, возле дота стали рваться снаряды...

Очухались, но атаковать не стали. Решили выкурить меня и вызвали артиллерию, подумал боец, с силой опуская лезвие ножа в землю и её рыхля. Пантелей успел выкопать неглубокую ямку, уложить диск, засыпать его землёй, плотно утрамбовать землю. Когда Юрчук стал одевать на босую ногу свой сапог, артиллеристы пристрелялись и удачно положили по доту несколько снарядов. Раздался взрыв, второй, третий... Взрыв четвёртого снаряда Пантелей уже не услышал – за мгновение до разрыва, что то тяжёлое ударило по ушам, так сильно, что не выдержали барабанные перепонки, затем неведомая сила с лёгкостью подхватила тело и бросила прямо на бревенчатую стенку дота. Удар! В глазах заплясали большие жёлтые круги, сознание померкло, и боец, без чувств, свалился на землю. Дот не смог выдержать ещё четыре снарядных попадания и превратился в бесформенную кучу из разбитых брёвен, земли и железа, почти похоронив в своём чреве, последнего защитника. Телам Миши Колажко и Вити Ефимова совсем не повезло – снаряд угодил прямо в то место, где очередь из пулемёта убила обоих, взрывом разметав части тел на многие метры по сторонам, оставив после себя дымящуюся воронку.

Тело Виктора Медведкова было почти полностью закидано землёй, из которой полностью забросано землёй, так, что была видна пропитанная уже запёкшейся кровью верхняя часть тела и обезображенная пулей голова бойца. Фуражка Виктора, с пробитым зелёным околышем, лежала в нескольких метрах от могильной ямы и по ней красной каплей, спокойно ползла божья коровка...

Глава 8. Тихое место у реки

Ранним утром 22 июня 1941 года усиленный пограничный наряд в составе четырёх человек уверенно и спокойно идёт по дозорной тропе. Впереди привычно вышагивает старший наряда Григорий Рыжков, за ним с пулемётом ДП-27 идут два номера пулемётного расчёта, замыкающим идёт молодой красноармеец первого года службы Вася Шалованов. Все одеты в накидки защитного камуфляжного цвета, с трёхцветными пятнами раскраски, напоминающими контуры амёбы. На востоке ещё темно, на небе мерцают звёзды, на реке и в низинах клубится молочный туман, слышно как в предрассветной тишине, где-то далеко, дружно квакают болотные лягушки.

Ещё немного и начнёт светать, лесные деревья вернут себе ярко-зелёный окрас листвы, проснётся лесная живность, оглашая своим чириканьем, запоют лесные пичужки. Идущие пограничники внимательно смотрят себе под ноги. Неожиданно, нарушая тишину, раздаётся громкий голос замыкающего бойца:

Товарищ младший сержант, что это? Летят... На нас летят!

Боец, не кричи так громко! Докладывай, что случилось! тихо произносятся слова, отвечает старший наряда и поднимает в небо свои глаза.

От увиденного лицо младшего сержанта на мгновение каменеет, он останавливается и замирает, вслушиваясь в предрассветное небо. Два других пограничника тоже останавливаются и задирают свои головы в небо. Все видят, что высоко в небе, со стороны Германии, разбившись на тройки, летят десятки самолётов.

Да их в небе летит целая армада! задумчиво произносит младший сержант Рыжков.

Заметь Гриша, что летят они курсом на восток! Интересно зачем? одновременно поясняет и спрашивает красноармеец Володя Егорьев.

Надо срочно подать сигнал на заставу! выйдя из лёгкого оцепенения, произносит младший сержант и тут же отдаёт распоряжение наряду: Наряд, приготовить оружие к бою! Шалованов, подай на заставу сигнал ракетами – вооружённое вторжение. А теперь, все за мной к секрету, бегом марш!

В небо взлетает ракета красного цвета, освещая своим ярким цветом верхушки лесных деревьев. Пограничный наряд добежал и разместился в тщательно замаскированном окопе с накатом из брёвен и стенками, обшитыми грубыми досками. Сверху секрет прикрывает дерево, когда-то поваленное молнией, своими ветвями нависающее над окопом и делающее его практически не заметным.

Не расслабляться! Оружие держать наготове! не успел отдать распоряжение младший сержант, как в небо на той стороне взлетели сигнальные ракеты. В тот же миг по советской территории ударили десятки артиллерийских орудий и миномётов.

Алло, заставка! Ответьте! сквозь шум грохота канонады произносит в микрофон, подсоединённой к гнезду связи, телефонной трубки младший сержант Рыжков. Телефонная трубка что-то мимолётно прохрипела и замолкла.

Застава! Это младший сержант Рыжков. Наблюдаю в небе чужие самолёты! Много... – успев проорать в трубку несколько слов, старший наряда начинает громко ругаться. Чёрт! Связь пропала! Рыжков в сердцах резко бросает ставшую бесполезной трубку полевого телефона прямо себе под ноги. Ещё чуть больше часа назад связь работала, и наряд выходил на связь с дежурным по заставе младшим сержантом Гришкой Кромским и докладывал ему обстановку на границе о непонятном множестве огней, скорее всего от армейских фонарей...

Товарищ младший сержант, но ведь нашу ракету на заставе "колун" должен был видеть и не только он? спрашивает Шалованов.

Конечно Вася, должны были! старший наряда успокоил молодого товарища и сразу же произнёс: Парни, сдаётся мне, что это война началась и пока эти гады бьют, пересидим в секрете, а дальше будем действовать по обстоятельствам.

А сильно они наших обстреливают! Эти гады, уже минут тридцать бьют, не меньше! произносит пулемётчик Сашка Баринов, выкладывая из вещевого мешка в нишу окопа коробку с шайбами дисковых магазинов.

Германская артиллерия методично расстреливала снаряды и мины по советской территории. После часа обстрела, когда грохот орудий смолк, снаряды перестали рвать землю, а на границе наступила тишина, пограничники заметили в рассветном небе три красные ракеты.

Гришка, ракеты! Три красных – срочно прибыть на заставу! красноармеец Баринов первый заметил цепочку ракет.

Наши ответили! Значит, живы! радуется Рыжков. Он первым выбрался из окопа, встал, осмотрелся по сторонам, затем скомандовал наряду: Через три минуты уходим на заставу! Разрешаю покинуть окоп и оправиться.

Пока его товарищи занимались собой, он стал отряхивать форму от земли и травы, закончив приводить себя в порядок, младший сержант решил спуститься к реке и умыться. Гриша Рыжков на шаг зашёл в реку, наклонил лицо, зачерпнул ладонями холодную воду и на миг застыл от увиденного... Сквозь туман, клубящийся над рекой, он смог разглядеть, что на том, чужом берегу, солдаты в стальных шлемах цвета "фельдграу" на головах, все с оружием, быстро подтаскивают к кромке воды чёрные резиновые лодки для перевозки людей и грузов, спускают их в реку и занимают места.

Младший сержант умыл лицо, протёр глаза и стал считать штурмовые лодки готовые к отправке – одна, три, пять, шестая, седьмая... восемь! Рыжков спешно вернулся к окопу и скомандовал:

Отставить покидать секрет! Оружие к бою! Приготовить гранаты! приказал старший пограничного наряда. Все бойцы заняли места в окопе, удобно расположились, проверили и приготовили личное оружие для стрельбы и стали ждать.

С той стороны раздалась длинная трель командирского свистка. "*R asch vorwärts!* (быстро вперёд!) и *marsh-marsh!* (марш бегом!)" – зазвучали гортанные команды на чужом языке и штурмовые лодки, под завязку загруженные солдатами и оружием, ведомые гребцами, устремились к нашему берегу.

Ну, что Василий, сможешь показать гостям, как тебя на учебной заставе научили метать гранаты? обращаясь к Шалованову, произнёс Рыжков. Затем младший сержант обращается к Баринину: Потом ты, "Барин", накроешь их из ДП. Немного врежем этим... и будем пробиваться к заставе. Как вам такой план?

Товарищ младший сержант, мы согласны и не подведём! поддержали командира пограничники.

Тогда действовать будем так, продолжил распоряжаться Рыжков. Течение их лодки обязательно снесёт немного правее нашего секрета, поэтому ты, Вася, выдвигаешься немного вперёд, вон к тем кустам ольховника, прячешься и ждёшь моего сигнала. Я громко свисну! Пулемётчики остаются здесь в окопе. Саня, ты на всякий пожарный, оставь вам с Егорьевым по две гранаты. Здесь будете лежать тихо, огонь откроете только после того как разорвутся наши с Василием гранаты и рассеется дым! Это понятно?

Всё ясно, ответил за обоих Баринин.

Григорий посмотрел на товарищей и продолжил говорить:

Я отойду немного в сторону и схоронюсь за деревом. После того как покидаю свои гранаты, буду бить по ним из ППД. Ты, Вася, как метнёшь гранаты, заляжешь и начнёшь их отстреливать из винтовки.

И напоследок – прошу головы не высовывать, стрелять метко, патроны беречь! старший наряда закончил отдавать распоряжения, положил в каждый карман своих шаровар по гранате, ещё две запихнул в карманы накидки и бесшумно исчез в кустах. Вася Шалованов забрал "свои" гранаты и, копируя действия командира, убрал их в карманы, ремешок фуражки одел на подбородок, выбрался из окопа и, стараясь не шуметь, отправился занимать позицию в кустах ольховника.

Все бойцы пограничного наряда заняли позиции, приготовились к отражению незаконного вторжения, внимательно следили за рекой и ждали, когда штурмовые лодки с десантом пересекут государственную границу... Было видно, как борясь с течением, натружено, работают веслами гребцы, направляя свои лодки к тому участку реки, где была видна песчаная прибрежная полоса, удобная для высадки солдат. Каждая лодка, сделанная из добротной резины, имела экипаж из шести гребцов и рулевого и могла перевозить 10 пехотинцев и пулемёт МГ, т.е. одно отделение. На занятиях бойцам не раз приходилось слышать, что у германского Вермахта на вооружении состоят такие мобильные переправочные средства, но воочию все их видели впервые.

Сейчас мы проверим, как эти надувные кораблики будут тонуть в нашей речке, пусть только их гребцы догребут поближе, произнёс сам для себя младший сержант Рыжков, ставя на боевой взвод все гранаты РГД и удобно раскладывая их перед метанием. Он продолжал внимательно следить за продвижением лодок, и когда гребцам осталось преодолеть до берега расстояние не более десяти-пятнадцати метров, громко свиснул и с криком: Васька, бей! сделал замах и метнул гранату, затем вторую. Первая граната попадает вовнутрь лодки, вторая граната падает рядом с другой лодкой, следующей в кильватере первой лодки. Гремят два сильных взрыва. Убойная сила гранат РГД-33, особенно если на неё надеть рубчатую "рубашку", при разрыве даёт около 2000 осколков, разлетающихся в разные стороны на расстояние более 30 метров. Спустя несколько секунд раздаются ещё два гранатных взрыва. Силой взрыва первой гранаты разорвало на части ведущую штурмовую лодку, осколки посекали почти всех находившихся в ней солдат. Взрыв второй гранаты, подняв над рекой кучу брызг воды, подбросил лодку, осколки пробили борта и заметно уменьшили количество солдат, находящихся в ней. На берега реки слышатся стоны и громкие крики на чужом языке, течение уносит бездыханные тела тех, чьё личное оружие и амуниция пошли ко дну.

А Васька молодец! Не подвёл! восхищённо произнёс Рыжков, вскидывая автомат и начиная отстреливать короткими очередями из ППД, барахтающихся в воде солдат. До слуха доносится сухой выстрел из мосинской винтовки, потом второй и ещё один. Не успел над рекой рассеяться сизый дым, как Баринов, с криком "Даёшь!", засадил по оставшимся лодкам длинную очередь из ДП-27, убив сразу нескольких солдат.

А вот получите жабью *цицьку*, да *хрэна лысого*, а не нашу землю! с такими словами первый номер пулемётного расчёта Сашка Баринов, между прочим серьёзный человек, отличник боевой и политической подготовки, член ЛКСМ, открыл огонь из своего "дегтяревича", как боец любовно называл своё грозное оружие, и теперь пулю за пулей выпускал в ненавистного врага.

Вовчик", ты чего там притих? Быстрее готовь диск, да считай, сколько этих хадов мы с тобой притопили! с радостью в голосе произнёс пулемётчик, продолжая вести огонь по реке.

Устроили германцам настоящее Ледовое побоище, да и только! делая выстрел из винтовки, с восхищением подумал Вася Шалованов, передёргивая затвор своей винтовки и целясь в барахтающегося штурмовика. А ещё парень был очень горд, что не подвёл товарища младшего сержанта, всеми уважаемого на заставе младшего командира. Боец прицелился, нажал спусковой крючок и выстрелил. Есть! Попал! Немецкого солдата от удара пули выбросило из лодки, и он исчез в воде. Василий открыл затвор, выбрасывая стреляную гильзу, клацая затвором, загнал очередной патрон в ствол, выбрал ближайшего немца, прицелился и сделал

выстрел. Ещё один! Унтер-офицер нелепо взмахнул руками, выпустил из рук свой МР и камнем ушёл ко дну. Для удобства стрельбы боец поднялся с земли и принял стойку для стрельбы с колена. Удачно сделав третий выстрел, парень услышал, как прекратив стрелять, из окопа на него громко заорал Баринов:

Боеец, быстро ляг! Васька, чёртова душа! Шалованов, лечь на землю!

Василий успел сделать четвёртый удачный выстрел, но Сашкину команду выполнить уже не успел – немецкий стрелок прицелился и с качающейся лодки сделал свой меткий выстрел, влипнув свою пулю подставившемуся русскому прямо в лоб! Тяжёлый удар пули оторвал тело пограничника от земли и на несколько метров отбросил его назад, трёхлинейка выпала из рук и отлетела далеко в траву. Зелёная фуражка, на которой лопнул ремешок, слетела с головы и повисла на кустах.

Первая часть боя закончилась, наступила тишина, взору пограничников открылась вся картина боя. По реке, уносимые течением, медленно уплывали куски резины от штурмовой лодки, ещё одна лодка с частично пробитыми бортами, лёгкие весла каноэ, несколько мертвых тел и около десятка стальных шлемом, качающихся на небольших волнах. На мелководье, в воде лежали три мёртвых штурмовика, весом оружия и амуниции, удерживаемые на одном месте на плаву, вытянувшись своими телами по ходу течения реки.

Сколько врагов утонуло, утащенные на дно тяжестью веса амуниции, оружия и боеприпасов, подсчитать не удалось.

Рыжков решил вернуться к товарищам, стал ползком пробираться к окопу и в пяти метрах от секрета услышал не громкий окрик в котором он признал бариновский голос:

Стой, кто идёт! Ещё шаг и кидаю гранату!

Санька, это же я! Рыжков! произносит младший сержант, который дополз оставшиеся метры и, оказавшись среди товарищей, тяжело дыша, спросил: Как у вас дела? Не вижу Шалованова. Что с ним?

Нет его больше! Убили нашего Ваську! ответил Егорьев, шмыгая носом и глотая выступившие слёзы, молодой боец отвернулся.

Каак убили? звучит вопрос Рыжкова.

Я видел, что он покидал гранаты, потом вылез на открытое место и стал стрелять. Он раза четыре успел стрельнуть, но кто-то из немцев его подстрелил, – рассказал Баринов, потом стал строго выговаривать Егорьеву: Вот видишь, Вовчик, как бывает? А все потому, что мало вас молодых, сержанты и командиры дрючат! Вася Шалованов, нет слов, парень геройский, но всё сделал так неразумно! Как теперь товарищ начальник заставы его родителям похоронный лист писать будет...

После этих слов боец снял с пояса фляжку с водой, отвинтил крышку, поднёс её ко рту и начал жадно, делая большие глотки, пить воду. Вдоволь испив воды Баринов, со словами: Хлопцы, может, кто-то хочет воды? протянул товарищам ополовиненную фляжку. Рыжков, принял фляжку, сделал несколько глотков и передал её Егорьеву, который немного отпил и закашлялся, так, что младшему сержанту пришлось пару раз сильно побить по спине бойца.

Спасибо! парень возвратил владельцу его фляжку, затем обратился к Рыжкову. Товарищ младший сержант, разрешите доложить? боец, не дожидаясь разрешения, начал свой доклад. За время отражения вражеской провокации, красноармеец Александр Баринов, ведя огонь из ручного пулемёта, уничтожил более десяти солдат противника! Это только те, что я смог разглядеть. На самом деле убитых и раненых было больше. Красноармеец Шалованов застрелил четырёх солдат. Число убитых и раненых от разрыва гранат из-за дыма точно подсчитать не удалось.

Всё так! От себя добавлю, что мы разогнали примерно два взвода пехоты, дополнил доклад товарища старший наряда.

Гриша, а что будем делать дальше? Пробиваться к заставе или сдерживать этих пловцов? спросил командира Баринов.

Младший сержант, к чему-то прислушиваясь, молчал минуту, посмотрел на своих бойцов и начал говорить:

Парни, я твёрдо знаю, что если они, Григорий кивает головой в сторону того берега, здесь переправятся, то рано или поздно придут к заставе! На помощь тем, кто сейчас дерётся с нашими товарищами. Слышите выстрелы за лесом? "Станкач" работает, из ДП короткими кто-то бьёт, автоматы чужие трещат и хлопают выстрелы винтовок.

Гриша, я понял тебя, нам придётся здесь немножко тормознуться. Только выслушай меня. Нашего молодого надо отправить на заставу, связным. Пусть доложит, что немцы числом до роты, пытаются переправиться на нашем фланге, предложил ефрейтор и хотел что-то сказать ещё, но Егорьев не дал ему договорить, влез в разговор и начал возражать. Я категорически возражаю и один никуда не пойду!

Ещё как пойдёшь! Если товарищ младший сержант прикажет – не только пойдёшь, а *як та коняка*, галопом помчишь! осадил молодого товарища Баринов и с укоризной посмотрел на Рыжкова, давая тому понять, мол, что же ты, командир, молчишь.

Младший сержант сразу понял, к чему клонит пулемётчик, но с принятием решения не торопился. Он думал, как подобрать нужные слова, чтобы отправить Егорьева и притом не обидеть товарища.

Красноармеец Егорьев! Как старший пограничного наряда, приказываю ВАМ пробиться к заставе и доложить начальнику, что германская пехотная рота пытается переправиться на нашем участке государственной границы СССР, а мы не даём им это сделать! отдал приказ Рыжков. Видя, что Владимир не хочет воспринимать всё выше сказанное, Григорий перешёл на строгий официальный тон, которого так боялись на заставе все молодые красноармейцы. Товарищ Егорьев, Вы поняли мой приказ? Не слышу ответа или вы забыли, как положено, отвечать старшему по званию?

Так точно, товарищ младший сержант! Я вас понял! Приказ исполню! чётко, как учили, отвечает молодой боец.

Ты не дуйся Вова – так надо для дела! Гранаты оставь нам и пока тихо, давай уже иди! Мы справимся, уже по-дружески произносит Рыжков.

Расскажешь там... нашим, напоследок шепчет прощальные слова Саня, потом помогает Егорьеву выбраться из окопа и, пока тот не скрывается из вида, провожает товарища долгим взглядом.

Пограничники заняли свои места в окопе и стали готовиться к предстоящему бою. Баринов осмотрел два диска к ДП, выложил на бруствер две гранаты, снял с пояса фляжку, зачем то потряс её возле уха и убрал в нишу к дискам. Рыжков тоже вытащил свои гранаты и удобно положил их на бруствере, затем отделил от автомата ППД диск и установил новый. Начатый диск он разобрал и стал пересчитывать патроны, которых осталось всего двенадцать штук. Он увидел, как нахмурилось лицо товарища после того, как тот пересчитал патроны в диске, и обратился к Григорию с предложением:

Командир, надо бы нашего Василя сюда подтянуть. Винтовка, патроны и гранаты тоже не помешают. Я сейчас быстро сползаю.

Добро! Иди, а я посмотрю за их берегом. В случае чего, тебя прикрою, – соглашается с товарищем Рыжков...

Прошло минут двадцать прежде, чем Баринов вернулся в окоп, принеся на себе безжизненное тело Шалованова и его винтовку. Боец в изнеможении опустился на дно окопа, несколько минут сидел молча, шумно вдыхая и выдыхая воздух и приходя в себя от усталости, затем нащупал рукой фляжку с водой, взял её в руки, открыл и жадно начал пить воду. Утолив жажду, парень снял с фуражку, положил её рядом, согнулся в поясе и начал лить воду себе на

голову, кряхтя от удовольствия. Пока Баринов отдыхал, Григорий отнёс тело Шалованова на край окопа, осторожно уложил его на землю, расстегнул пуговицы на груди, забрал документы и прикрыл голову парня накидкой. Через пару минут боец продышался, привёл себя в порядок, затем стал вытаскивать из шеловановских подсумков обоймы с патронами, выложил на бруствер две гранаты РГД, рядом пристроил готовую к стрельбе винтовку.

Ты не против, если оставлю к "мосинке" только две обоймы патронов, а остальные раздербаню и набью ими свой диск? спросил товарища Саня. Соглашаясь с товарищем, Григорий молча кивнул головой и, не отрывая бинокль от глаз, продолжил внимательно наблюдать за вражеским берегом. Спустя минуту младший сержант спокойно произносит: Саня, они забегали возле лодок. Давай готовиться...

"Гости" явно не ожидали такого "сердечного приёма", уцелевшие лодки стали разворачиваться, пытаясь выгрести к своему берегу. Человек двадцать солдат, попавших в воду, преодолевая течение, где вброд, где вплавь стали переходить Западный Буг и возвращаться на свою сторону реки.

Ловушка! Мины в воде! Берег минирован! сразу после разрывов гранат начали орать ошеломлённые солдаты. Кто-то из офицеров роты спешно доложил по радио в штаб батальона о такой неожиданности и попросил прислать сапёрное отделение. С немецкого берега хорошо было видно как два взвода, размещённые на больших десантных лодках строго по намеченному графику отошли от берега, без проблем дошли до середины реки, пересекли линию границы, проходящую как раз посередине речного фарватера реки Западный Буг, и начали двигаться в сторону советского берега. Командир, оставшийся на берегу, практически не отрывал полевой бинокль от глаз и следил за ходом переправы двух взводов своей роты.

Офицер видел, что когда первые две лодки с людьми практически добрались до берега, ещё плохо различимого от утреннего тумана над водой, раздались два сильных взрыва, а потом ещё два. Берег у реки, после серии взрывов заволкло серым дымом и что там происходит, увидеть не представляется возможным. Слабая речная волна, поднятая взрывами, неспешно добралась до левого берега реки и качнула штурмовые лодки, стоящие на воде и уже готовые к переправе.

Затем до слуха донеслись истошные крики солдат, одиночные винтовочные выстрелы и автоматно-пулемётные очереди из незнакомого оружия, звучащие на русском берегу. Что ещё может прийти в голову? Только то, что два взвода попали в какую-то ловушку, очевидно устроенную погранстражей "иванов", которую изначально в расчёт никто не взял! Штабные умники посчитали, что русские жандармы, такие же, как у поляков – после налёта авиации и первых снарядных разрывов должны были, побросав своё оружие, разбежаться по сторонам.

Пограничному наряду Гриши Рыжкова повезло, что немцы долго связывались со своим командованием и передали информацию о минировании берега прибрежной территории реки и закладке мин в самой воде. Пока разбирались – упустили время. Командир роты гауптман Буллер получил лёгкий нагоняй от майора, но договорился, чтобы артиллерийская батарея снарядами обработала проблемный участок прибрежной территории. На согласование "заявки" ушло ещё целых двадцать минут времени, потом заговорили орудия, начав обстреливать русский берег. Более того, на тот берег, с шелестом полетели осколочные прыгающие мины, выпущенные из батальонных миномётов. Весь "концерт" продлился около тридцати минут. Осматривая берег сквозь линзы цейсовского бинокля, гауптман Буллер не узнал профиля берега – мины и снаряды, своими разрывами перепахали всю землю, проредили кусты и ветви деревьев, зажгли траву. Под огнём артиллерии и миномётов переправляться не стали, боясь потерять людей и повредить лодки от разлёта шальных осколков.

Маловероятно, что после такой обработки, кто-то из русских, устроивших ловушку моим людям, остался жив, подумал командир роты и совершенно не таясь, вышел на берег реки. Все лодки вперёд марш! он громко подал команду о начале переправы.

С нами бог! полевой капеллан благословляет солдат.

Два МГ, установленные на универсальных станках, должны были своим огнём прикрыть роту с берега. Более того, офицер приказал отделению разведчиков форсировать реку метров на триста выше по течению от места основной высадки. Солдаты должны пройти вдоль берега и при необходимости поддержать переправу остальных штурмовиков роты. После окончания обстрела лодки с десантом отвалили от берега, преодолевая течение, гребцы начали дружно грести, взяв курс на песчаную полосу берега. Из лоции реки было известно, что на этом участке реки глубина составляла не многим больше метра и имела твёрдое дно...

После получасового вражеского обстрела снаряды и мины так сильно изменили прибрежный берег, наделав дымящихся воронок, повыврубив осколками ветки деревьев и кустов, посбивав силой взрывов с уцелевших веток, зелёную листву, что узнать былой пейзаж было совершенно невозможно. Несколько снарядов разорвалось рядом с окопом, один снаряд угодил в ствол поваленного дерева, силой взрыва расщепил древесину на множество жилок, оглушив лежащих в окопе пограничников. С прыгающими минами повезло больше – все они падали на землю метров на пятнадцать-двадцать дальше окопа, подпрыгивали вверх на высоту до двух метров, разрывались и осыпали осколками всю округу. Рыжков и Баринов благополучно переждали в окопе обстрел, протирая глаза, кашляя от гари, широко раскрывая рты и мотая головами, что-то громко крича, пытались восстановить зрение и слух. Младший сержант поднёс бинокль к глазам, осмотрел чужой берег и, обращаясь к товарищу, сказал:

Восемь лодок на середине реки! Немцы начали переправу!

В тот же миг по нашему берегу длинными очередями ударили два пулемёта.

Своих прикрывают! определил пулемётчик, посмотрел на Григория, затем произнёс: Мы будем их топить или отойдём к заставе?

А сам, что думаешь? вопросом на вопрос ответил Рыжков.

Топить, *як отих кутят!* ответил товарищу Саня.

Тогда я пойду на старое место и дождусь, когда сойдут на берег, метну гранаты, потом шугану из ППД. А ты, друг, покидай в них гранаты и секи их из "дегтяря"! Попробуй достать пулемётчиков на том берегу. Как ты говоришь – чутка их набьём и отойдём к заставе, предложил план действия младший сержант.

Я за! соглашается пулемётчик. Он удобно устанавливает на бруствере сошки своего "ДП", потом рядом раскладывает, приготовленный к метанию гранаты.

Только пулемётчиков, по-моему, лучше отстрелить из винтовки "Шалого", но сделать это будет совсем не просто, посоветовал Рыжков.

Думаю, что смогу, боец взял в руки трёхлинейную винтовку и стал выставлять расстояние на прицельной планке и пояснил: Гришка, смотри, расстояние между берегами всего метров двести – для нашей "трёшки" это тьфу! Только оставь мне свой бинокль.

Подстрелишь пулемётчиков, считай, полдела сделано! Потом врежешь по лодкам из ДП! Они, конечно, будут огрызаться, но при качке на воде, сильно достать нас, хрен у них получится! напоследок говорит Григорий Рыжков. Он покидает окоп и, плотно вжимаясь в землю, начинает ползти к разбитому дереву...

На немецком берегу реки первые номера пулемётных расчётов вели наблюдение за противоположным берегом, осматривая враждебную землю в бинокли, пытаясь разглядеть какое-нибудь шевеление или признаки присутствия врага. Обер-ефрейтор, командир первого расчёта МГ, разглядел в сильную оптику человека с оружием в руках, одетого в защитную накидку, появившегося словно бы из ниоткуда и теперь куда-то ползущего вдоль берега.

Внимание всем! Вижу одного "ивана"! прокричал солдат, по удобнее занял место, снял пулемёт с предохранителя и в оптику прицела начал выцеливать ползущую фигуру русского

солдата. Он уже собрался нажать на спуск и выпустить короткую очередь по цели, но ползущий "иван" неожиданно исчез из вида, не дав себя убить.

Дьявол! Куда он делся? в недоумении громко выругался пулемётчик, приподнялся над станком, он посмотрел в сторону русского берега, затем повернул голову ко второму номеру, хотел тому что-то сказать, но не успел. Откуда-то издали сухо хлопнул выстрел – пуля попала обер-ефрейтору прямо в висок, точно под обрез стального шлема, мгновенно отправив солдата в мир иной.

Герберт, ты что делаешь? Брось дурить! не понимая, что случилось, обращается к товарищу второй номер, пытаясь отпихнуть от себя уже мертвое тело солдата.

Госпоод... хотел доложить солдат, но умолк на полуслове, получив с русского берега "свою" пулю, безвольно выпустив из рук ленту с патронами, затем упал на речной песок и тоже испустил дух. Солдаты, бывшие неподалёку, быстро подбежали к станковому пулемёту и молча застыли, не веря своим глазам – два их товарища, без признаков жизни, лежали на песке. Через минуту раздался ещё один винтовочный выстрел, и почти сразу же раздался чей-то отчаянный крик.

Саша Баринов в очередной раз доказал, что из трёхлинейной винтовки он стреляет так же мастерски, как и из ручного пулемёта Дегтярёва.

Это невозможно! Какая-то мистика! несмотря на потери, удивился командир роты, когда узнал от посыльного, что выстрелами с русского берега убиты три солдата из приданных роте расчётов станковых пулемётов, причём двое из них поражены меткими выстрелами в голову.

Неужели против нас действуют их снайперы? И как с ними ... начал обдумывать гауптман, но дальше развить эту мысль не успел, потому что услышал, как на русском берегу один за другим прозвучало несколько разрывов гранат, а потом раздалась очередь из незнакомого автоматического оружия.

Отбой атаке! Всем назад! Засеките, откуда бьют эти свиньи! срываясь на крик, офицер продолжил отдавать распоряжения. Немедленно открыть миномётный огонь по русскому берегу! Живее!

Но господин гауптман, в зону огня могут попасть наши солдаты! попытался возразить командиру роты унтер-офицер из штабного отделения.

Выполняйте, приказ! Бог меня рассудит и накажет, если в чём-то я окажусь неправ! Мы и так уже топчемся здесь уже лишние два часа! офицер жёстко пресёк все попытки обсуждения своего приказа.

Гер, гауптман, разрешите обратиться? к Булеру обратился подбежавший посыльный солдат.

Что ещё у нас произошло? раздражённо спросил ротный командир, потом стал торопить с ответом. К чёрту субординацию! Говори быстрее солдат!

Пришло сообщение из штаба батальона. Господин майор отправил к нам в распоряжение военного кинорепортёра с камерой и ассистентом из "Ди дойче вохеншау", какого-то Крауха, сообщил солдат.

Почему к нам? удивился ротный командир.

Именно такой вопрос и задал господин первый обер-лейтенант, громко звучит чёткий ответ посыльного.

И всё же? в нетерпении задал подчинённому вопрос гауптман.

Гер обер-лейтенанту сказали, что у нас самый спокойный участок и этот Краух сможет спокойно снимать для Министерства пропаганды действие пехотной роты при форсировании водной преграды в первые часы восточной компании, ответил офицеру посыльный.

Только этого мне не хватало! Какое спокойное место! Только при первой попытке переправиться рота потеряла почти взвод солдат, уничтожены десантные лодки. Всего несколько минут назад были убиты три опытных солдата, да и сейчас судя по взрывам и звукам стрельбы,

вторая попытка проходит с осложнениями, подумал ротный командир, потом обращаясь к унтер-офицеру, он стал отдавать распоряжения: Мне срочно нужен снайпер или самый лучший стрелок, желательно с аксельбантом за меткую стрельбу на плече! У вас есть пять минут! Выполняйте!

Унтер-офицер из штабного отделения взял под козырёк, кратко произнёс слово "Есть!" и быстро убежал выполнять приказ. Расторопный унтер-офицер только-только исчез из вида, как в расположение штабного отделения пришёл посыльный ефрейтор из штаба батальона, который привёл в роту кинохроникёра вместе с солдатом-ассистентом. Оба пришедших были нагружены кинооборудованием и круглыми металлическими коробками. После доклада посыльного Булеру показалось, что лицо берлинского гостя ему знакомо.

О, Зигги! Привет! Ты меня не узнаёшь? Это я – Арни Краух! Мы с тобой вместе учились в военном училище!

Арни! Это ты? Какого чёрта ты здесь делаешь? Мне писали, что после Польской кампании эскулапы списали тебя в чистую!

Всё верно! Наши медики после операции выкинули на помойку метра три моих кишок и теперь к строевой службе не подпускают меня даже на пушечный выстрел!

Вижу, что ты теперь в отделе пропаганды при ОКВ и снимаешь кино?

А ты, уже гауптман и командуешь ротой отчаянных головорезов? Второй Крест получил за Францию? старые товарищи несколько раз обнялись, радуясь такой неожиданной встрече, перебивая друг друга и стали рассказывать последние новости о себе.

Булер мельком глянул на свой, ещё не потёртый, Железный Крест I-го класса и с наигранным равнодушием произнёс:

Да... Этот, получил за бои в Югославии. После завершения компании добился перевода в эту дивизию. В остальном, всё так, как ты сказал – команду стрелковой ротой.

А я, как инвалид и герой кампании, получил почётное право учиться в берлинской школе военных хроникёров, которую закончил с отличием и ничуть об этом не жалею! Работаю в отдельной роте хроникёров. Мы подчиняемся полковнику фон Веделю, сообщил о себе Краух, показывая рукой на свою нарукавную манжетную ленту жёлтого цвета с надписью "panzer progandakompanie".

Прости, старина, но Я упустил тебя из виду и ничего не знал о твоей последующей судьбе! с некоторым смущением произнёс гауптман Булер.

Брось оправдываться! Зиги, я же всё понимаю... парировал хроникёр и увлечённо продолжил рассказывать о себе. Я был в Бельгии, видел линию Мажино, снимал парад наших войск через Триумфальную арку в Париже, ходил в поход в Атлантику на новейшем линкоре, летал бомбить Лондон, а теперь прибыл сюда, в танковую армию, на Восточный фронт. Помоему совсем не плохо?!

Гауптман явно не ожидал услышать такой рассказ от бывшего однокашника, был одновременно немного удивлён и рад за своего товарища. Обуреваемый радостными чувствами он всё-таки смог принять правильное решение и сказать в ответ: Да, я согласен! Нам обоим в жизни пока чертовски везёт! и уже официальным тоном произносит: Вот, что Арни, здесь ты от меня не отойдёшь ни на шаг и без моего разрешения никуда не полезешь!

Но почему? У меня задание и мы хотели бы снимать фронтовые эпизоды здесь, у вас, а потом отправиться в танковый батальон, не успев обидеться, откровенно удивляется хроникёр.

Арни, это приказ! Я за тебя отвечаю! Выполняй, что тебе говорят, и не зли меня! жестко осадил Крауха командир роты.

Но, Зигги... сделал ещё попытку оспорить решение гауптмана Булера Краух.

Никаких но! Ты, когда шёл сюда, наверняка слышал, как бьют наши миномёты по русскому берегу Буга?

Конечно, слышал! Ну и что с того! Сегодня с самого утра везде стреляют!

Дорогой Арнольд, незадолго до твоего прибытия мои стрелки должны были во второй раз попытаться форсировать эту чёртову реку, но тщетно! начал объяснять товарищу сложившуюся обстановку гауптман Булер, но замолчал, услышав взрыв гранат и дробь автоматного пулемётных очередей на том берегу.

Дошло!? разозлённый упрямством друга, глядя тому в лицо, жёстко врубил слово ротный. Спустя полминуты, он, что называется, выпустив пар, предложил Крауху: Можешь пока поснимать берег красивой реки, воды которой красные от крови, несут разбитые штурмовые лодки и трупы, как ты сказал, этих отчаянных головорезов! Извини меня за грубость и прямолинейность, но за такой "победный" сюжет нас с тобой по головке никто не погладит, скорее наоборот... Поэтому предлагаю тебе пока поснимать работу моего штаба, боевую стрельбу миномётчиков, кухню сними, где наши повара готовят обед. Раненых и ротный пункт эвакуации снимать не надо – всё должно выглядеть красиво! Пойми Арни, рано или поздно мы заткнём "иванам" их глотки и я обещаю тебе, что мы вместе переправимся через реку. Ты снимешь посадку на штурмовые лодки, затем высадку солдат, с лицами полными героизма и отваги, на русский берег. Гарантирую, что на том берегу тоже будет на что посмотреть! Обещаю после съёмок накормить шикарным обедом в полевых условиях и вместо десерта угостить глотком доброго французского коньяка, а потом ты поедешь к своим танкистам. Тебя устроит такой план действия на сегодня? Думаю да!

У меня нет слов! Дружище, ты прав! Я согласен! соглашается с доводами друга Краух, но про себя подумал: "Психолог! Помнится, что до училища он учился в берлинском университете. Как мастерски он сумел меня отбрить и при этом не обидеть!"

А раз согласен, займись делом и не отвлекай меня от командования ротой, шутливо произносит Булер, и уже не обращая внимания на хроникёра, стал отдавать распоряжения. Унтер-офицер! Пять минут уже давно прошло!...

Извините, гер гауптман! Я не хотел отвлекать Вас от разговора с вашим друг... киношником из Берлина. Два отличных стрелка уже на позиции и наблюдают за берегом, прозвучит чёткий доклад.

Им удалось кого-нибудь засечь?

Так точно, засекли место под поваленным деревом. Русские ведут оттуда огонь из пулемёта! продолжил докладывать унтер-офицер.

Сколько можно тянуть? Накройте это место минами. Пусть по ним бьют все три ротных миномёта, приказал гауптман.

Но мы рискуем совсем остаться без мин! А кто знает, какие ещё неприятности могут поджидать нас на том берегу? попытался возразить командир штабного отделения.

Послушайте, Вернер, вы служите не первый год и уже давно могли бы отдать распоряжение своему приятелю отправить повозку на пункт боепитания, чтобы привезли запас мин. Вы командир штабного отделения или кто? с явным недовольством начал выговаривать подчинённому офицер и уточнил: Повторяю, немедленно открыть огонь и организовать подвоз боеприпасов к миномётам!...

Санька, у нас всё получилось! Мы опять их разогнали! с радостью произнёс младший сержант, когда добрался до окопа, потом, немного отдышавшись, спросил друга: А ты заметил, что выше по течению их лодка пыталась переправиться?

Не только видел, но ещё и немного врезал по ним одной очередью! Сразу после взрыва гранат.

Попал?

Лодку пробил точно, еще видел, что в двух-трёх попал, потом стал бить дальше, пояснил товарищу Саня Баринов.

Григорий смахнул рукавом рубахи выступивший на лице пот, затем отсоединил от автомата почти пустой диск, разобрал его и стал вытаскивать из него оставшиеся патроны. Затем он извлёк из ниши другой свой диск, с которого снял верхнюю крышку, завёл пружину и начал в него вставлять блестящие патроны.

Патронов осталось – кот наплакал! Всего пятнадцать штук, правда в запасе есть одна "эргдешка", сообщил товарищу Григорий.

У меня тоже патронов осталось на полдиска, ещё обойма в "мосинке", отвечал Саша...

Пограничники уже собрались уходить из окопа, как вдруг в воздухе зашелестели миномётные мины, потом раздалась серия взрывов и свист осколков, разлетающихся во все стороны. Оба понимали, что их окоп сейчас самое лучшее убежище, способное их защитить и беда может случиться, если шальная мина залетит вовнутрь окопа и там разорвётся. Несколько мин разорвались совсем рядом с окопом, взрывная волна резко ударила по ушам, запахло гарью и тротилом, с земли в воздух поднялась сбитая ранее листва. Следующие три мины рванули впереди.

Вилка! Саня, они пристрелялись! Следующий залп будет наш! Хватай "дегтарь" и делаем ноги! громко проорал полу оглохший Рыжков, и ловко убрав к боку свой автомат, первым стал быстро выбираться из окопа. Младший сержант успел пробежать целых двадцать шагов, когда что-то тяжёлое сильно ударило его в левую лопатку, почти рядом с сердцем. Пуля, выпущенная снайпером, своим ударом развернула бойца лицом к реке.

Не успеет! пронеслось в голове пограничника, когда он увидел, как Саша Баринов с "дегтарёвым" за спиной начал вылезать из окопа, но как-то беспомощно застыл на месте и хотел что-то крикнуть, но взрыв первой мины не дал ему произнести ни звука. Ещё одна мина влетела вовнутрь окопа, третья разорвалась на бруствере. На месте окопа всё густо заволокло серым дымом.

ледующие три мины разорвались совсем близко от младшего сержанта. Прежде чем потерять сознание и безвольно свалиться на дно дымящейся и пахнувшей горелой взрывчаткой снарядной воронки, Григорий успел почувствовать, как неведомая сила на этот раз вонзила в тело три раскалённых осколка – один пробил бок, другой попал в левую руку, третий угодил в голень ноги. Он уже не мог видеть, что тело друга, пробитое осколками мины, силой взрыва отброшенное на несколько шагов от окопа, без признаков жизни, лежит на горящей траве, лицом вниз с тлеющими волосами на голове...

На третий раз у них всё получилось! Сначала, по заявке Булера, артиллеристы всей батареи сделали несколько залпов по русскому берегу в районе переправы. Затем миномётчики засекли убежище русских пограничников и после нескольких пробных выстрелов, пристрелявшись, начали вести беглый огонь из трёх миномётов. Судя по отсутствию огня русских, по переправляющемуся отделению разведки, цель была накрыта огнём и уничтожена. Правда, снайпер доложил, что одного "ивана" он подловил...

Разведчики первыми выбрались из реки на берег, по которому, крадучись, соблюдая осторожность, прошли к лесу и вышли к разбитой позиции пограничников и убедились, что в них никого нет, белой ракетой подали команду, что можно форсировать реку. Рота успешно переправилась через Западный Буг, второй очередью переправлялись отделение противотанкистов, миномётчики, отделение управления роты, отделения боепитания, обеспечения, вещевого, повозки с лошадьми, "кашепушка" и другое ротное имущество. Гауптман Булер, готовясь занять место в лодке, пока ещё стоял на берегу и в бинокль рассматривал уже "свой" берег, так не ласково принявший его солдат. Обращение к нему очкастого связиста с коробом радиостанции за спиной и с наушниками в руках отвлекло офицера от его занятия, и он стал слушать доклад.

На связи штаб батальона! Майор Реймер, хочет Вас услышать! докладывает связист, затем протягивает в руки офицера наушники. Сквозь треск и шум помех в наушниках раздался голос "Старика": Вы меня слышите? Приём! Да? К чёрту позывные! Говорит Реймер! Ответьте!

Так точно! Я на связи! Слушаю! отвечает гауптман.

Доложите обстановку! слова майора хрипят в наушниках.

Берег чист! Заканчиваем переправу! Знаю, что вышли из графика... звучит доклад Булера.

Какие потери? спрашивает искажённый голос из наушников.

Потери подсчитываем... Доложу Вам позднее! Краух? Краух работает... Снимает материал для хроники. Так точно господин майор, действую согласно плана... До связи! в наушниках ротного командира наступает тишина.

На, забери свою говорящую шарманку и уйди с ней куда-нибудь в сторону! офицер возвращает наушники и тут же, забыв о солдате, отдаёт другое распоряжение: Вестовой, быстро найди "киношников" и приведи их сюда.

Минут через пять на НП стрелковой роты вместе с ассистентом подошёл почему-то довольный Краух. Глаза хроникёра восхищённо горели радостным азартом, о чём он поспешил поделиться со своим другом:

Зигфрид, ты был прав! Мне удалось запечатлеть на плёнку потрясающие сюжеты! Важны мелочи!

Да ты Арни режиссёр, совсем как... Хотел тебя назвать именем одного известного режиссёра, но вовремя вспомнил, что он русский еврей! пошутил Булер и пригласил Крауха пройти с ним. Пойдём к реке. Будем переправляться. Всё только начинается!

Далее всё произошло так, как и обещал своему другу командир роты – практически не замочив сапог, они благополучно перешли с лодок на прибрежный песок, где Краух с ассистентом сразу же стал снимать береговые "пейзажи", сильно пострадавшие от огня артиллерии. Русскому берегу действительно сильно досталось – деревья и ольховники стоят без листьев, ветви срублены или посечены осколками, кругом горелая трава, дымящиеся воронки и едкий запах взрывчатки. Командир роты обратил внимание, что солдаты с хмурыми лицами, стоят небольшой группкой у поваленного дерева и, негромко переговариваясь друг с другом, что-то внимательно рассматривают. Офицер заинтересовался и решил тоже подойти к поваленному дереву. Краух с ручной кинокамерой в руках и ассистент, несущий запасные бобины с плёнкой, увязались за ним.

Ассистент, фыркая от тяжести груза за спиной, не стал близко подходить к поваленному дереву, а выбрав менее пострадавший пятачок, решил сесть прямо на землю и немного передохнуть, в то время как Булер и Краух отправились к солдатам.

Своим мощным стволом дерево прикрывало всего пару часов назад отлично замаскированный окоп со стенками, отделанными грубым тёсом, бревенчатым перекрытием и несколькими, искусно врезанными в земляной профиль, бойницами. По мнению солдат, эта разбитая "точка" позволяла русским контролировать почти километровый участок Западного Буга. На дне окопа, в дальнем углу лежало изрубленное осколками тело солдата, в пропитанной кровью, трёхцветной защитной накидке, одетой поверх униформы. Видимо несколько пятидесятимиллиметровых мин удачно накрыли окоп, влетев вовнутрь и поубивав осколками всё живое. Старенькая модель русской винтовки Мосина, бывшая на вооружении ещё в старой Императорской армии русских, так же пострадала от взрыва и теперь с расщеплённым прикладом валялась на дне окопа, присыпанная землёй.

Тело второго русского, тоже в защитной накидке, лежало в нескольких шагах от окопа, за спиной солдата висел русский пулемёт с исковерканным осколками большим диском-шайбой. У головы убитого с обгоревшими волосами валялась, пробитая осколками и тлеющая фуражка с зелёным верхом и переломленным лакированным козырьком.

Первый погиб от прямого попадания, а этот видимо хотел удрать – вылез наверх, угодил под нашу мину, получил свою порцию осколков и упал возле окопа, произнёс кто-то из солдат, осторожно трогая носком сапога широкий раструб пламегасителя искалеченного ДП.

Soldat des grenzshutzes(пограничники)! почти прошептал другой солдат.

Там, в воронке, валяется ещё один убитый "иван", их унтер-офицер или командир, сообщил всем подошедший унтер-офицер медицинской службы с белой повязкой с красным крестом на рукаве и санитарной сумкой на боку.

Гауптман Булер решил дойти до мёртвого тела "ивана", полагая, что при убитом командире могут быть документы или карта местности с обозначениями. Уже уходя от окопа, он бросил в сторону Крауха:

Арни, я пойду ещё пройду. Ты пойдёшь со мной или будешь снимать здесь?

Я снимаю это место, потом подойду к тебе, прикладывая к лицу готовую к съёмке ручную кинокамеру, включился в работу Краух...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.